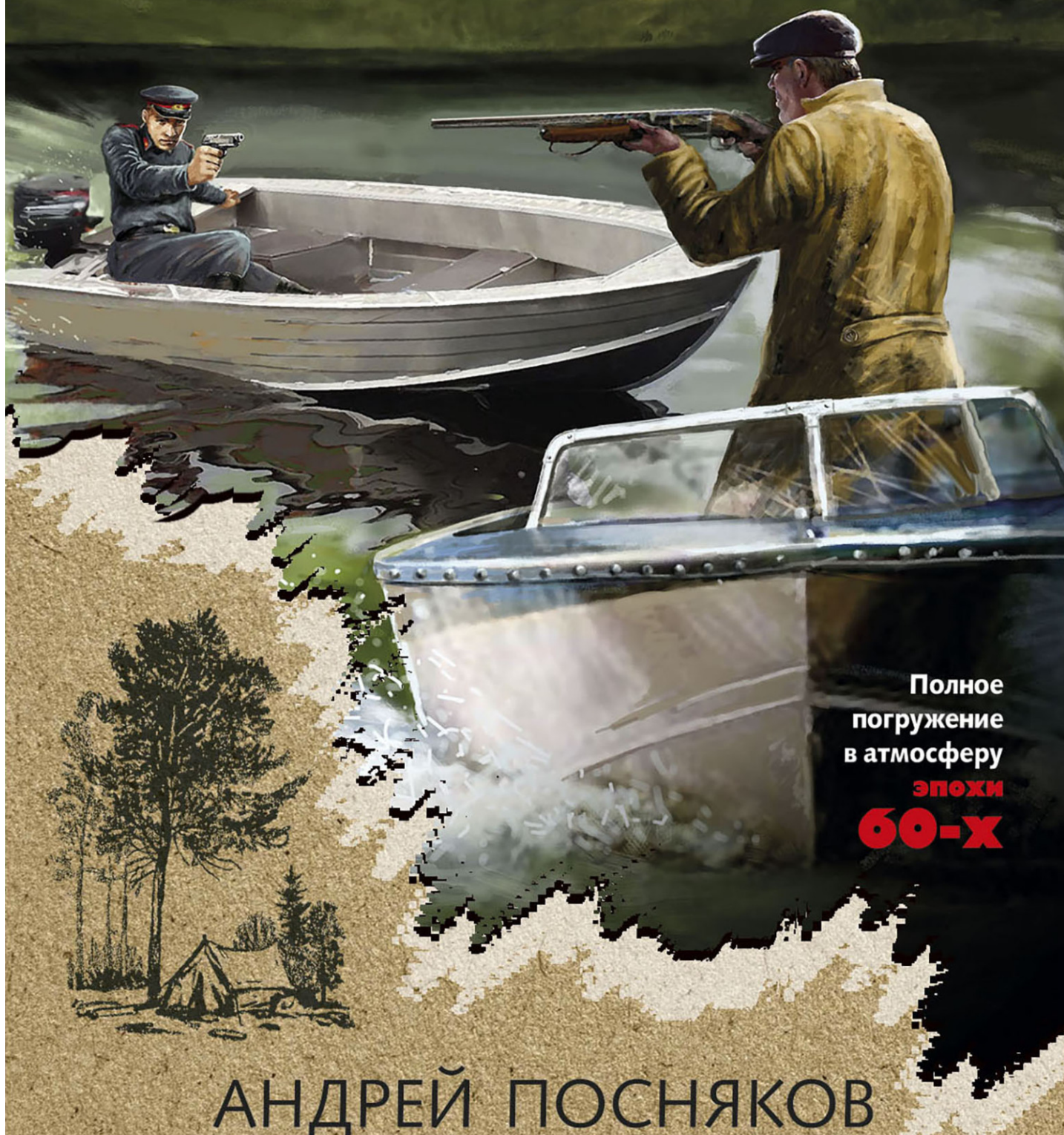

Н **Д** ЕТЕКТИВ-
Н ОСТАЛЬГИЯ

Фальшивая ЖИЗНЬ

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи
60-х

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

Детектив-Ностальгия

Андрей Посняков

Фальшивая жизнь

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Посняков А. А.

Фальшивая жизнь / А. А. Посняков — «ЭКСМО»,
2023 — (Детектив-Ностальгия)

ISBN 978-5-04-196657-7

Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор настолько реально описывает атмосферу эпохи и внутреннее состояние героев, что веришь ему сразу и безоговорочно. 1967 год. В небольшом северном городке происходит череда тяжких преступлений. Сначала — дерзкое ограбление склада известного антиквара, следом — убийство молодой девушки и приезжего аспиранта. Следователь Владимир Алтуфьев не исключает, что это дело рук одной банды... Подозрение падает на местных уголовников, тем более что у одного из бывших сидельцев найден портфель погибшего. Однако вскоре выясняется, что эта версия ошибочна. Новую зацепку дает случайно обнаруженная юннатами тщательно скрытая стоянка моторной лодки. Похоже, именно на ней преступники добирались до города и совершали преступления... Алтуфьев решает устроить засаду и взять негодяев с поличным... Уникальная возможность на время вернуться в недавнее прошлое и в ощущении полной реальности прожить вместе с героями самый отчаянный отрезок их жизни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-196657-7

© Посняков А. А., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	25
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Посняков

Фальшивая жизнь

© Посняков А. А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Пролог

Тянск. 22 октября 1966 г.

Полночь выдалась холодной и темной. Небо затянули черные тучи, скрывая луну и звезды. Горящие на площади тускло-желтые фонари едва разгоняли тьму, толком ничего не освещая. Шел дождь, противный и нудный, порывы ветра трепали висевшую на тумбе афишу с рекламой кинофильма «Операция «Ы». Рядом, за тополями, угадывалось массивное здание кинотеатра «Пионер», бывшего Борисоглебского собора, еще в тридцатые лишившегося куполов с крестами и колокольни. Зато кинобудку пристроили, чего уж!

Рядом, возле собора, вольготно раскинулся крытый торговый павильон с арками – «рядки» – типовое творение неведомого архитектора конца восемнадцатого века. Именно в это время славный Тянск (до того – монастырский посад) обрел-таки статус города, мало того – уездного центра. Торговыми рядками, в народе любовно называемыми «Камешками», горожане очень гордились, как и старинным монастырем, и расположенной здесь же, на площади, гостиницей, в которой, по преданию, останавливалась сама Екатерина Вторая, как раз тогда кто-то из местных ухарей стащил у венценосной особы шубу. Шубу тогда не нашли, и этим тоже гордились.

Тихо и пустынно было на улицах старого города, даже бродячие собаки не бегали, не тявкали, да и некого было облаивать – ни души! Трудящиеся спали, набираясь сил перед очередной рабочей сменой, лишь в редких окнах еще желтели огни.

Промозглый дождь, тишина, безлюдье... Вот проехал милицейский «газик», синий с красной полосой, в новый бирюзовый цвет еще не успели перекрасить... или краску не выделили.

Проехал, остановился у афишной тумбы, немного постоял и покатил себе дальше, сворачивая к железнодорожному вокзалу.

И снова – тишина. Лишь шелест дождя, звон капель по кровле...

И вдруг...

Со стороны небольшой улочки, застроенной старинными деревянными особняками, к площади вывернули двое в длинных брезентовых плащах с поднятыми воротниками и в надвинутых на глаза кепках. Один – осанистый, сильный, с широкими плечами, второй – поплюгавее, верткий...

– И что это тут мильтоны крутятся? – Проводив взглядом уехавший «газик», верткий боязливо повел плечом.

– Маршрут у них такой, – поправив висевшую за спиной котомку, хмыкнул плечистый. Похоже, он был тут главным. – Да не мандражируй ты. Все как надо будет! Или струсил?

– Да не, что ты, Карай! – Вертлявый испуганно замахал руками. – Я просто... за дело переживаю...

Карай...

Конечно, не имя это было – кличка, воровское погоняло.

– А ты не переживай! Идем уже. Давай-ка лучше погляди.

– Ага... Спокойно все!

– Вижу.

Сняв с плеча котомку, главарь вытащил оттуда стальные «когти», какие используют электрики для лазания по столбам. Вытащил, огляделся и, прицепив снаряжение на ноги, ловко полез на ближайший столб. Клацнули клещи. На площади тут же погас целый ряд фонарей, тех, что у торговых рядков – «Камешков».

За углом вдруг послышался шум двигателя.

– Машина, Карай! – заблажил напарник.

– Без паники! Вижу.

Вывернувший из-за угла хлебный фургон, потрепанный жизнью «ГАЗ-51», мазнул фарами по галерее, высветил на секунду кумачовый лозунг «Планы восьмой пятилетки – выполним!» и две фигуры... Скрежетнув коробкой передач, фургончик чуть притормозил на повороте и покатил себе дальше, минуя площадь.

– Господи, пронесло! – Плюгавый неумело перекрестился на кинотеатр «Пионер» (бывший Борисоглебский собор) и перевел дух.

Главарь быстро слез со столба, снял «когти», сложил снаряжение в котомку и протянул напарнику:

– Пошли.

– Ага. Эх и дождище...

– Ничо! Нам-то на руку.

– Так я и говорю.

– Фонарь! – остановившись у витрины, приказал Карай. – Свети!

С мерзким звуком заскрежетал стеклорезный алмаз. Что-то негромко звякнуло...

– Помогай... Ага... Сюда, сюда ставь... да не разбей! Ну, вот. Прошу!

Сквозь выставленное стекло напарники ловко забрались внутрь. Оказавшись в торговом отделе, вертлявый посветил фонариком, выхватив из темноты витрины с сережками, цепочками, кольцами...

– Ого! Я же говорил – вчера завоз был!

– Да тихо ты... Самое-то главное у них – там.

Кивнув на стоявший в углу сейф, главарь достал отмычки. Повозился минуты две и, распахнув дверцу, торжествующе повернулся к напарнику: – Ну, подставляй суму!

– Ловко ты с сейфом!

– Да это разве сейф? – презрительно сплюнул Карай. – Так, шкаф несгораемый... Ну, давай, гребни!

– Т-сс!

За дверью отдела вдруг послышались шаркающие шаги, затем раздался голос. Кто-то ругался, костерил и пропавший внезапно свет, и отключившуюся сигнализацию.

– Будь она неладна! Теперь вот, ходи, проверяй. Эх...

Зазвенели ключи. Дверь со скрипом открылась. Сквозь выставленную витрину ворвался сквозняк...

– Э-э, не порядо-ок...

Луч фонаря осветил распахнутую дверцу сейфа...

– Да тут...

Это были последние слова бедолаги. Выскочивший из-за шкафа Карай ударил его ножом в грудь. Упал на пол фонарь. Тяжело осело тело.

– Ой, Караюшко...

– А что его – в плен брать? Давай без соплей, уходим. Товар реализуешь позже... – уже на улице предупредил главарь. И тут же ухмыльнулся: – Хотя, тут ты спец.

– Да сделаем!

– Не сомневаюсь... Ну все – расход.

Две тени растворились в протоках узеньких улиц. Дождь почти кончился, впрочем, светлее не стало – от близкой реки потянулся густой туман.

9 мая 1967 г.

Сторож городского торгового двора Иван Евграфович Тихомиров, или попросту Евграфыч, День Победы отмечал всегда, даже когда день этот еще не был государственным праздником. Да все отмечали, война обескровила практически каждую семью, пришла и общая на всех победа. Тихомиров, правда, на фронте не воевал по причине хворобы, зато на заводе отработал достойно, и праздник Девятого мая тоже считал своим.

С утра Евграфыч отправлялся на кладбище, поминал погибших, потом на площади смотрел на возложение венков к памятнику павшим воинам, встречался с родственниками и, будучи давним вдовцом, шел к кому-нибудь из них в гости. Сидели, смотрели телевизор – у кого он был, – вспоминали-выпивали...

Вот только нынче все вышло не так! Пришлось срочно выйти на работу – подменить приболевшего напарника. Сама замначальница просила лично: «Ну уж, Иван Евграфыч, уважь!» Да Евграфыч и не спорил, надо так надо, даже в такой день! Кто-то же должен работать.

К слову сказать, начальство знало, кого просить, и за безотказность эту закрывало глаза на некоторые грешки сторожа. Знали, что может он и выпить на рабочем месте, однако ж, немного – в меру. Перед каждой сменой Тихомиров обычно брал в раймаге «малька» или «мерзавчика» – бутылочку «Московской Особой» за рубль сорок девять – вечерок скоротать на службе вполне хватало. Однако же вчера «Московская Особая» закончилась, что и понятно – к празднику народ расхватал. Осталась только дорогая – «Столичная», по три двенадцать. Пришлось наскрести денег да взять поллитру... ну, размер Евграфыча не смутил, тем более день-то был выходной – это ж не ночь, это ж целые сутки дежурить! Взял. Закуска из дому была – краюха черного, картошечка отварная, соль, да шмат сала, что двоюродная сестра из Конотопа прислала. Вот на куреве пришлось сэкономить: купить вместо привычного «Казбека» дешевый «Памир».

Заперев ворота, Евграфыч прихватил служебный «наган» без патронов (не положено!) и отправился на обход территории: пыльный квадратный двор да четыре склада: два продуктовых и два промтоварных. Добросовестно проверил замки и засовы, а уж потом отправился в сторожку, маленькую будку у самых ворот, где выпил грамм пятьдесят, закурил сальцем и, не снимая кирзовых сапог и кобуры с «наганом», улегся на старый диван – «задавать храповицкого».

Спал он, надо сказать, чутко, просыпаясь от каждого подозрительного звука. Машина возле ворот проехала, мотоцикл или мотороллер – появились и в Тяньске такие финтифлюшки, и даже девки на них катались, юбки ветром задирали, тьфу!

Немного вздремнув, ровно в полдень Тихомиров включил радио – старенький репродуктор с закругленными углами. Послушал концерт по заявкам, с удовольствием и без удовольствия, какую-то занудную лабуду, посвященную подготовке празднования пятидесятилетнего юбилея Великой Октябрьской социалистической революции. Евграфыч разменял уже седьмой десяток, застал еще царские времена и уж тем более хорошо помнил, как эту революцию называли просто и без затей – «Октябрьский переворот».

К вечеру, впрочем, стали передавать военные песни, и тут уж Евграфыч расчувствовался, всплакнул даже и приступил к оставшейся части банкета. Очистил картошечку, порезал сальца, круто посолил хлебушек... Налил вологодский стакан – да одним махом и ахнул. Крякнул в седые усы, закурил, полистал валявшийся в ящике стола журнал «Огонек» за прошлый год с писателем Роменом Ролланом на обложке... Журнал был читан-перечитан не раз, и Тихомиров, вырвав пару листков, постелил их на стол, рядом с телефоном – так сказать, скатерть!

Заодно проверил и телефонный аппарат – старинный эбонитово-черный, с цифрами и буквами на диске. Телефон этот придавал неказистому облику сторожки официальную солидность, что очень нравилось сторожу.

Приложив трубку к уху, Евграфыч ожидал услышать гудки. Однако нет! Аппарат молчал, словно мертвый!

– Что ж это, ититна-мать? – привстав, озадаченно вымолвил старик. – Провод, что ль, оборвался? С утра же работал. Кажись...

Ну да – работал! Ведь проверял...

Согласно ведомственной инструкции, в подобном случае необходимо было известить начальство «любимым доступным способом, не покидая охраняемый объект». Только вот как это конкретно сделать, инструкция умалчивала. Может быть, выглянуть за ворота да попросить прохожих, мальчишки тут частенько бегали, на велосипедах катались, река-то рядом...

Жахнув еще «для ясности ума», Евграфыч, пошатываясь, вышел из сторожки.

И тут в ворота постучали... Постучали по-хозяйски, громко и требовательно! Да еще и позвали:

– Эй, Иван Евграфыч! Спишь, что ли? Давай, отвори!

– А вы вообще-то кто? – пьян – не пьян, а соображал Тихомиров быстро.

– Ремонтники мы. С телефонной станции, – сообщили из-за ворот. – Обрыв на линии ищем. У тебя телефон-то работает?

– Не работает! – Обрадованный старик поспешно бросился к засову. – Сейчас я, сейчас...

Ворота еще не до конца открылись, как в образовавшуюся щель прошмыгнули двое в брезентовых, несмотря на теплый весенний день, плащах и... в хирургических масках на лицах!

– Это... что это?

Евграфыч удивленно моргнул и тут же получил по башке чем-то тяжелым...

– Ну, Караюшка... – Один из налетчиков покачал головой. – Говорил, связать только... Он же пьяный в умат!

– Да и черт с ним! – повел широкими плечами главарь. – К сторожке его оттащим...

Ага... Теперь показывай, где тут что?

– Вон тот склад, крайний.

– Угу.

Плечистый вытащил из кармана отмычки и усмехнулся:

– Ну и замок! Ногтем можно открыть.

С засовом подельники справились быстро и, распахнув дверь, проникли внутрь...

– Вон! – Включив фонарик, вертлявый указал на картонные коробки.

Вскрыли одну, извлекли какие-то пакеты...

– Это что? – присмотревшись, злобно зыркнул главарь. – Трусы, что ли, бабские? Это из-за них мы...

– Между прочим, это французское белье! – Напарник важно надул щеки. – А вот это... это называется – бикини! Купальник такой, гэдээровский. Дефицит – жуть! В Ленинграде по полтиннику оторвут – с руками и ногами. А их тут – с полсотни. Смекай! Считай, на пол-«Москвича»! И не какого-нибудь, а новенького – четыреста восьмого! Да за такой купальник любая баба – твоя!

– Погубят тебя твои бабы, Игорек... Вот помяни мое слово, погубят!

– Ничего, разберемся.

– Ну-у... – покладисто махнул рукой Карай, снял маску и сплюнул. – Берем тогда. А событом уж решай сам...

– Да разве ж я когда подводил?

* * *

Вот ведь бывает и от водки польза! И от дефицита... Не кончились бы в раймаге «мальки», не опьянел бы Евграфыч, не шатнуло б его... И голову бы точно пробили, навряд ли и выжил. А так удар пришелся вскользь, и сторож уже довольно скоро очнулся. Правда, налетчиков и след простыл. Как и значительной части промтоварного склада.

Глава 1

Озерск – Тяньск, начало июня 1967 г.

За окнами купе проносились веселые белоствольные березки и дачные домики, которые очень скоро сменил густой смешанный лес. Потянувшись, Максим поднялся на ноги и отхлебнул из граненого стакана в массивном серебристом подстаканнике уже остывший чай. Стучали колеса... Настроение было – ух-х! Ну, еще бы – три армейских года позади. Три года нелегкой, но такой интересной службы в Южной группе войск, в Венгрии.

Молодой человек поднялся, набросил на плечи висевший на вешалке китель с сержантскими лычками и значками. Достав расческу, подошел к зеркалу, зачесал назад светло-русую челку, не удержался – подмигнул сам себе. Хорошо!

Демобилизованный сержант Максим Мезенцев ехал в купе один. Дорого! Ну, а парень все-таки возвращался домой. Автобус с автостанции на площади Мира уходил часа через три, в общий вагон билетов не было, а так хотелось побыстрее! Обнять, наконец, мать, сестру Катю... Восемнадцать лет уже, верно, совсем взрослая стала сестрица. Как и подружка ее, Колесникова Женька...

Да нет, нет же! Это не он, Максим, это она была влюблена, по крайней мере, на то было очень похоже. Не зря же письма писала! Правда, не очень «любовные» – стеснялась, но... фотки даже присылала, Максим их показывал сослуживцам с гордостью. Женька была красивой, правда, младше Максима года на четыре. В школе на нее и внимания-то не обращал, вот еще, на такую мелочь... Правда, потом судьба ненадолго связала, но без эксцессов. Да и какие эксцессы с малолетней подружкой сестры?

Но ребятам фотки показывал... и письма. Просто так положено было, чтобы у солдата на гражданке оставалась девушка, которая его ждет. У многих не было и они придумывали, бахвалились, рассказывали, как целовались... и даже более того – и почти всегда врал. Принято так – чтобы была девушка. Как же без девушки-то? Кто ж ждать-то из армии будет? Родственники – это одно, а любимая – совсем другое. Вот и взводный, лейтенант, а ныне старлей, о том же говорил.

Усевшись обратно, Максим прикрыл глаза и улыбнулся, вспоминая сослуживцев. Всегда веселого Сашу Маркина из Уфы, ефрейтора Мишку из Ленинграда, Рустама из Ургенча, старшего сержанта Баранца на первом году службы. И конечно, взводного... Старший лейтенант Реготов, Андрей... Все ж таки женился на медсестре из госпиталя. Кандидат в мастера спорта по боксу, боксировать всех учил, кто хотел. Максима вот...

Замедлив ход, поезд плавно подошел к перрону. Скоро и дом. Побежали по платформе люди: дачники с вещами, студенты местного техникума, какие-то девушки... Одна показалась Максиму знакомой. Светлые волосы в каре, синяя короткая юбка, светло-голубая блузочка из нейлона – последний писк. Правда, жарковато в ней – потеешь...

Похоже, все в общий вагон бегут, ну, еще бы. Вот и та девушка... едва не споткнулась, вскинула голову...

Черт побери!

Да это же Верка Енукова из параллельного класса! С которой... ничего особенного не было, но целовались – да, и какое-то время проводили вместе, как тогда говорили – «ходили»...

И вот Верка здесь. В общий вагон села. А ну-ка...

Надев китель, молодой человек быстро пошел по узкому коридору. Загудел тепловоз, поезд тронулся, словно в замедленной киносъемке, проплыл мимо перрон с продавцами мороженого, с провожающими-встречающими...

- Макс рванул дверь. Тут – плацкарт.
– Здравствуйте!
– О! Солдат! На побывку али как?
– Домой!
– Славно! Садись с нами, солдатик. У нас курица!
– Спасибо, покушал уже. Не знаете, общий вагон...
– После-едний! Эвон, в хвосте.

Поблагодарив, сержант ускорил шаг, уворачиваясь от потных носков и босых пяток лежавших на верхних полках пассажиров.

Распахнул дверь...

В тамбуре стояли двое: Енукова Вера с тонкой дымящейся сигаретой в руке и с ней незнакомый парень – коротко стриженный, сутулый, с неприятным землистым лицом.

– Ах, ты еще и куришь! – Схватив девчонку за руку, сутулый грязно выругался.

Бросив сигарету, Вера скривила губы:

– Пусти! Больно...

Вот уж тут Макс не стал терпеть! Да никто б не стерпел.

Остановился. Жестко взял наглеца за плечо:

– Отпусти! Тебе же сказали!

– Ой, Максим! – Вера испуганно моргнула. – Ты это... мы тут сами...

Нахал глумливо засмеялся:

– Вот, правильно. Проходи, проходи, солдатик.

– Сейчас ты у меня пройдешь! – Мезенцев «закусил удила» – с детства не переваривал подобных уродов.

– Чего?!

Но и наглец оказался не робкого десятка, как видно, из прибалтийской шпаны. Усмехнулся и, отпустив девушку, резко ударил Макса в лицо. И наверное, попал бы, если бы Максим не занимался боксом. Уклонился, даже не думая, – спасибо взводному! – и тут же ударил в ответ – молниеносно, в скулу. Хук справа – так это в боксе называется. И потом еще сразу – в печень! Очень даже действенно, весьма...

Сутулый скривился и застонал.

Хмыкнув, Макс повернулся к девушке:

– Пошли, Вера. У меня тут – купе... Этот тебе кто?

– Никто. Даже как звать, не знаю. На вокзале еще клеился, гад.

– Ладно, пошли... – Максим перевел взгляд на нахала. – Тебе все или добавить?

– Ах ты ж...

Тот снова бросился. И снова огреб бы, если бы не появившийся милицейский наряд – старший сержант и ефрейтор в новой форме – серо-голубые рубашки и галстуки.

– А ну, прекратить!

– Да мы и не...

– Товарищи милиционеры, он сам, первый пристал!

– Попрошу документы, билеты... О! Справочка о судимости... Ясенько! В Тянск едете? Очень хорошо. На платформе прошу пройти с нами. Там разберемся, кто к кому пристал.

* * *

Зеленый с белыми крыльями мотороллер, сверкая свежей краской и хромом, несся по улице Советской, вызывая заинтересованные взгляды прохожих. За рулем сидела красивая юная девушка, брюнетка с развевающимися по ветру волосами. Короткая белая юбка с широ-

ким ремнем, голубые гольфы, светло-голубая нейлоновая блузка... Позади, на сиденье, расположилась еще одна красotka – блондинка со спутанными волосами и упругой грудью. Короткое красное платье, туфельки, черный блестящий пояс. У обеих – темные импортные очки, как у знаменитого польского актера Збигнева Цыбульского, разбивателя девичьих сердец!

Красотки, эх...

И пусть мотороллер – старая, выпущенная лет десять назад «Вятка ВП-150», копия итальянской «Веспы», – что с того, когда ты молода, красива, и волосы за спиной, и ветер в лицо, а впереди – вся жизнь! Взрослая, счастливая, интересная и немного пугающая.

Брюнетка свернула к автостанции и остановилась. Заглушив мотор, обернулась к подружке, сверкая синими, как море, глазами, словно бы спрашивала: ну, как?

– Ой... – Слезая с сиденья, блондинка передернула плечами. – Ты, Женька, прямо мотогонщица, куда там Дорожкуину! Хотя и он меня вчера на своем «Восходе» растряс... Хорошо, хоть не на служебном.

– Катались вчера? Здорово же, Катя! – На миг показалось, что Женя как-то даже очень завистливо вздохнула. Мол, вы-то покатались, может, и целовались даже, а мне вот не с кем, по крайней мере пока.

Что ж, девушки взрослые: блондинке, Мезенцевой Кате, давно восемнадцать уже, а брюнетке-синеглазке Женьке Колесниковой – вот-вот... Кстати, «Вятка» эта – как раз на будущий день рождения подарок. От отца.

Женькин папа, Александр Федорович, работал завгаром в местном пригородном колхозе, не так давно реорганизованном в совхоз. Не такой уж и большой город Озерск, скорее, просто разросшийся поселок, хоть и был не так давно районным центром. А вот после укрупнения районов остался просто районного значения городком. Из крупных предприятий – промкомбинат, леспромхоз, совхоз с молокозаводом... пожалуй, и все. Да, еще автоколонна, школа с интернатом и кустовая больница. И автостанция, куда только что прикатили подружки. Прикатили не просто так, повыпендриваться (хотя, и не без этого), а встретить демобилизовавшегося из славных рядов Советской армии Максима, родного Каткиного брата. К Максиму Женька когда-то была равнодушна, но... За то время, пока Макс нес службу где-то в далекой Венгрии, в жизни девушки произошло много чего, в том числе – встреча с Тынисом, студентом из Тарту, пару лет назад занесенным в Озерск научным ветром университетской этнографической экспедиции. С того времени они с Женькой переписывались и даже как-то встречались в Риге, куда девушка навещалась иногда к старшей своей сестре – та была замужем за моряком заграничавания, и не за простым матросом, а за старшим помощником капитана!

Так вот, завгар Александр Федорович, прозванный еще фронтовыми остряками «Керенским», вторым ребенком сильно хотел сына. А родилась Женька, в которой папа души не чаял и научил всему... ну, почти всему, что знал и умел сам, и что было вообще возможно для юной девушки. В том числе водить машину и мотоцикл. Женьке это очень нравилось, она вообще была разносторонним ребенком – увлекалась музыкой, покупала пластинки и даже хотела подписаться на музыкальный журнал «Кругозор», да на него частных лиц не подписывали, пришлось в библиотеку ходить или ловить на почте в журнальном киоске.

– Так он точно – обедошним? – одернув юбку, осведомилась Женя.

– Так матери-то на работу звонил. – Катерина усмехнулась. – Сказал, из Ленинграда утренним поездом в Тяньск, а оттуда... уж всяко на обедошный автобус успеть должен. Ух, Женька! Я так соскучилась!

– Еще бы...

– Сказал – подарки везет... Ну, конечно, не мотороллер, как некоторым...

– Да ладно тебе, Катя... – Женька несколько обиделась. – Вообще-то, это старая модель, его до ума довели просто. Папа за девяносто рублей купил, с рук – не так и дорого.

– Ну-у, кому как...

– А кому Дорожкин недавно цепочку серебряную подарил? Кто хвастал? Небось, половину милицейской зарплаты стоит! Или... – Тут Колесникова ехидно прищурилась. – Или он тебя замуж заманивает?

– Заманивает... – опустив глаза, неожиданно призналась Катерина.

Женька вскинула глаза:

– Ой, Катя! Неужто на свадьбе твоей скоро погуляем?! А ведь еще недавно – школа, экзамены...

– Ну, скоро – не скоро... Точно уж не скажу. Но ты имей в виду, мало ли что.

Что и говорить, выросли девки, в прошлом году окончили школу, а дальше их пути-дороженьки разошлись. Женя рванула было в ЛГПИ имени Герцена, на исторический, да не поступила. И не потому вовсе, что на экзаменах срезалась, просто с направлениями было много, да и вообще, в прошлом, 1966 году, по всему Союзу выпуск оказался двойным – с одиннадцатилетки перешли обратно к десятилетке, вот и выпустили разом две параллели – и десятые (по-новому) и (по-старому) – одиннадцатые. Таким образом, и абитуриентов стало в два раза больше обычного. Попробуй тут поступи, особенно если без рабочего стажа. Многим вчерашним школьникам в тот год не повезло. Вот и Женьке тоже.

Впрочем, она особо не переживала, решив поступать на следующий год, а пока устроилась на работу лаборантом на метеостанцию, ну, а сейчас как раз собиралась в отпуск – готовиться к вступительным экзаменам в ЛГПИ.

Кстати, практически всю свою зарплату, шестьдесят пять рублей, Колесникова отдавала родителям, так сказать, в общую копилку, так что в зелененькой «Вятке» была и ее доля тоже. О подарке же на восемнадцать лет – все-таки дата, совершеннолетие! – завела разговор мама, предложив отцу на выбор – либо новый проигрыватель для грампластинок – переносной, «Юность», либо золотые часики «Заря», особо модные, плоские... Александр Федорович послушал супругу, подумал и предложил все же спросить у дочки и так хитро-хитро усмехнулся. Женька ведь еще как-то про велосипед говорила... Однако ж появилось кое-что получше. Недорогую «Вятку» еще в апреле предложил бывший работник Костя Хренков, вот уже год как женившийся и переехавший в Тянск, где работал водителем автобуса на междугородних рейсах. Будучи в Озерске, Константин заглянул по старой памяти в гаражи, вот и предложил мотороллер, один из первых выпусков – по сути, знаменитая итальянская «Веспа».

– Сто восемь килограммов, скорость... ну, километров семьдесят пойдет – а куда больше-то? Правда, болты на тринадцать – итальянские, ключи фиг найдешь! Но есть у меня ключик... А что, дядя Саша? Женьке возьми! Как раз ко дню рождения. Правила она знает, машину водит. Неужто не справится? Правда, подшаманить надо...

Подшаманили. Не мотороллер получился – конфетка! Итальянский неореализм – Антониони, Феллини, Альберто Сорди.

Правда, в тайне сохранить не удалось – пришлось подарить раньше. С этого времени Женька ходила счастливая! Все не могла поверить. И была очень благодарна отцу не только за подарок, но и за то, что уговорил матушку. И с ГАИ договорился насчет экзамена и прав – Александра Колесникова все в городе уважали. Женька сдала с первого раза.

– Жень, так у тебя и права есть? – разглядывая подъезжавший автобус – лупоглазый кругломорденький «ЛАЗ», белый, с широкими бордовыми полосами, между прочим, осведомилась Катя.

– Есть, а как же!

Подружка словно ждала этого вопроса. Тут же и похвасталась – вытащила новенькую серую книжечку с гербом СССР и надписью «Удостоверение на право управления мотоциклом».

– Дай, дай, посмотреть! – Катя с любопытством открыла книжечку и тут же расхохоталась, глядя на черно-белую с уголком фотку. – Ой, Жень! А ты тут классе в пятом, верно... Галстука пионерского не хватает.

– Да недавно фоткалась! В ателье! – обиженно отвернулась Женька. Взгляд ее выхватил бегущую к автобусу девушку в бежевой кримпленовой юбке и желтой блузке, молоденькую, небольшого ростика, с милым курносым лицом и веснушками.

– «Водитель мотоцикла... – вслух читала Катя. – Колесникова Евгения Александровна... Личная подпись»... Ну и каряка! «Выдано госавтоинспекцией Тянского горисполкома... на основании протокола»... Фу ты, ну ты... «Подпись, печать»...

– Привет, Юль! – Узнав бегущую девушку, Женя помахала рукой.

– Кому ты там машешь? – Катерина вернула права подружке. – А! Юля! В гости собралась!

– Насовсем! – одернув юбку, гордо обернулась курносенькая. – Девчонки, привет! Уезжаю.

– Да ну? Вот так дела...

– Замуж выхожу!

– Поздравляем!

Их общая знакомая Юленька Хоботова работала в местном Доме пионеров и школьников руководителем художественно-графического кружка. Озерские детишки под ее присмотром учились рисовать и даже не так давно заняли призовые места на конкурсе рисунков, посвященных пятидесятилетию Великого Октября. Конкурс проводила ленинградская детская газета «Ленинские искры», от которой даже приезжал репортер – высокий нагловатый парень с лохматой прической «под битлов», импортным диктофоном и дорогушей зеркалкой «Зенит-4». Вот с этим-то репортером Юленька и спелась. А теперь вот – замуж!

– В газете буду работать, художником, – радостно тараторила Хоботова. – В «Ленинских искрах»! Ой! Побегу я, девчонки. Вон, посадка уже...

– Удачи, Юля!

– Спасибо!

Зашипев, автобус затворил двери и, рыкнув двигателем, отвалил от посадочной площадки. Юлька помахала подружкам в окно. Кажется, в уголках глаз ее вдруг заблестели слезы. Хотя нет, конечно же, показалось.

– В Ленинград. – Вздохнув вдруг с неожиданной грустью, Катерина искоса взглянула на подругу. – И ты скоро туда же – учиться... Ой, Женька! Как же я без тебя-то?!

– Так я ж приезжать буду! На каникулы и так... на выходные.

В отличие от своей моторизованной подружки, Катя Мезенцева после школы сразу пошла работать учетчицей на местный молокозавод. Зарплата, конечно, не ах, зато небольшой коллектив – хороший и дружный, в основном женский. Катерина там быстро прижилась и никуда переходить не хотела. Тем более директор уже уговорил ее на курсы контролеров, а там не только зарплата, но и солидная премия.

Обеденным автобусом Максим не приехал.

– Опоздал, наверное, – разглядывая выходящих пассажиров старенького тупоносого «ЗИСа», разочарованно протянула Мезенцева. Впрочем, особо не расстроилась. – Значит, вечером ждать будем! Теперь уж дома. Жень, как приедет, придешь? Я позову, сбегаю.

– Конечно!

Проходивший мимо сутулый мужчина лет этак хорошо за сорок, в сером, плохо сидящем пиджаке, увидев девушек, вежливо приподнял шляпу и тут же пожаловался:

– Вот ведь, уехала... Юлька-то! И кого я теперь на станцию юннатов пошлю? Воспитателей-то нету.

– Здра-а-авствуйте, Аркадий Ильич! – хором поздоровались девчонки.

– Да-да, здравствуйте. Знаете, ума не приложу.

Директора местного Дома пионеров и школьников Аркадия Ильича Говорова знал весь Озерск. По-деловому умный, интеллигентный, но несколько рохля, Аркадий Ильич руководил Домом пионеров уже около десяти лет. И кто у него только не занимался! В том числе и подружки, да и Мезенцев Максим тоже когда-то ходил в кружок радиодела.

– Да найдете кого-нибудь, Аркадий Ильич.

– Да уж... – Говоров вдруг улыбнулся и с надеждой глянул на Женьку: – Ты, Женечка, говорят, в отпуске?

Что ж, слухи по городку распространялись быстро. Все всё про всех знали.

– В отпуске, – не стала отпираться Колесникова. – Готовиться буду. В августе поступаю. В Герцена.

– Знаю-знаю – на геофак...

– Не-е! На исторический.

– На исторический. – Директор развел руками. – Вот бы и подготовилась. На станции юннатов. Сама прикинь: природа кругом, тишина, ничего не отвлекает... Днем ребята с педагогами, вечером только присмотреть... ну, парочку мероприятий провести – да просто все. Не работа – курорт! Отдых!

– Ой, Аркадий Ильич, все же я лучше – дома.

– Ну и как-никак – зарплата... Семьдесят четыре рубля тридцать копеек! Больше, чем ты на метеостанции получаешь. Тебе к поступлению – плохо ли? Опять же, на бензин... Какой у тебя – шестьдесят шестой? – Говоров оглянулся на оставленный у автостанции мотороллер и одобрительно крякнул: – Шик! Блеск! Красота! Полсотни идет?

– Семьдесят! А под горку – и того быстрее катит.

– Вот я и говорю – на бензин... А там как раз на технике своей и проедешь. Ежели осторожненько. Учебнички с собой возьмешь. Да! У нас и еда, считай, даром...

Женька махнула рукой:

– Ну-у, Аркадий Ильич... Не знаю...

– Ты все же подумай, Женечка! – не отставал Говоров. Несмотря на видимую рассеянность, человек он был по-хорошему упертый, особенно когда дело касалось подведомственного учреждения. – А знаешь, что? Давай-ка я завтра к вам загляну. Этак ближе к обеду. Удобно будет?

– Ну да, заходите. Удобно. А где у вас станция-то?

– Да в Лерничках.

– Ого!

– Не в самих – там еще деревня такая. Рябой Порог, так там рядом – на старом лесном кордоне. Даже электричество есть! Председатель колхоза разрешил фазу бросить. Так что надеюсь и жду!

Аркадий Ильич улыбнулся и, приподняв шляпу, поспешил к стоящему возле Дома колхозника синему «Москвичу» самой первой, «четырёхсотой», модели.

– До Лерничей этих – километров тридцать по грунтовке... в пыли... – вслух прикинула Женя. – Да там еще лесом с десяток... Оно мне надо?

– Зато – семьдесят четыре рубля! – Глянув на подругу, Катерина неожиданно поддержала директора. – На дороге, чай, не валяются.

– Это да...

– Только на мотороллере я бы на твоём месте не ехала, – рассуждала вслух Мезенцева. – До Лерничей автобус ходит. А там дальше – попуткой.

– Вот еще – попуткой! – Подойдя к «Вятке», Женька ласково погладила мотороллер по рулю. – Ничего, «Веспочка», доедем. Если вдруг решусь...

* * *

Опорный пункт милиции (отделение охраны общественного порядка на транспорте) располагался в старинном флигеле, расположенном рядом с железнодорожным вокзалом Тяньска, выстроенным еще в тысяча девятьсот пятом году во исполнение указания графа Витте. Несмотря на старину, обстановка в опорном пункте царила самая спартанская: три стола, старый продавленный диван, накрытый серовато-желтым покрывалом, колченогие стулья у дальней стены, выкрашенный синей густотертой краской сейф и забранные решетками окна. В простенке меж окнами – портрет В. И. Ленина, телефонный аппарат на крайнем столе – солидный, черный, да старый двухстворчатый шкаф, набитый всяким хламом. Из излишеств – вычурная темно-голубого стекла ваза на сейфе и рядом – транзисторный радиоприемник «Сокол», явно чей-то личный.

Когда дружинники ввели задержанных, усатый сержант яростно крутил ручку настройки, пытаясь поймать ускользающий в шумах эфира шлягер... Ага, вот, похоже, поймал...

Ай-я-яй-яй-ай... Селена, хэй-хэй!

– Товарищ сержант, мы тут этих... субчиков привели, – деловито доложил усатый младший сержант. – Вон тот – только что освобожден. Со справкой.

Стоящие за ним дружинники – молчаливые парни с какого-то завода – заинтересованно прислушивались к песне. Один из них, с длинной, падающей на глаза челкой, даже прищелкнул языком:

– Селена! Квартет «Аккорд». Пластинку все никак не могу купить. В культтоварах говорят – разбирают!

– А ты, Федя, продавщицу сюда притащи, – нехотя оторвавшись от приемника, усмехнулся сержант. – Глядишь, и придержит для тебя пластиночку. Ну, так который тут со справкой?

– Вон этот. Сутулый... – кивнув на задержанного, постовой протянул сержанту справку.

– Силаев Сергей Иванович... освобожден... срок два года... статья двести шесть часть вторая... Ого! Злостное хулиганство. За что получил?

– Так... врезал одному на танцах... – нехотя протянул Силаев.

– А теперь драку в вагоне устроил! – Сержант осуждающе покачал головой. – Не успел, так сказать, приступить к мирной жизни... Обратнo в колонию захотел?

– Да вы что! – Сутулый погладил побитую скулу. – Мне же попало, и меня же – в колонию?

– Он первый начал, – сурово сдвинула брови Вера. – Максим за меня заступился. А он его ударить хотел. Вот Максим и...

– Так, стоп, гражданочка! – Махнув рукой, милиционер достал из ящика стола несколько листов желтоватой бумаги и старые перьевые ручки. – Пишите, как все было, в подробностях. И – чего хотите.

– Да ничего я не хочу, – отмахнулась девушка. – Отстал, получил – и ладно. Поделом!

Сутулый воспрянул духом:

– Вот видите, гражданин начальник! Это же я потерпевший, выходит...

– Ты у меня поговори еще! – пригрозил сержант.

– Он к Вере приставал. – Максим наконец вставил слово. – Вот я и... врезал.

– И правильно! – одобрительно кивнул сержант, вытащил из кармана портсигар и протянул Максиму: – Будешь?

– Не курю я, спасибо.

– Зато она как труба заводская дымит! И не стыдно, – презрительно скривился Силаев.

– Тебя не спрашивают! – тут же осадил его сержант. – Солдат, ты где служил?

– В Венгрии. Будапешт.

– Ого! Считаю – Европа. Домой?
– Домой, в Озерск. – Максим развел руками. – Не думал не гадал задержаться.
– Озерск... Красивый городок, зеленый... – улыбнулся милиционер. – И рыбалка там замечательная. Ладно, служивый, коли претензий не имеете, тогда удачи!
– Спасибою – Максим улыбнулся в ответ. – Так мы пойдем?
– Так говорю же – свободны! – стряхнув пепел в мусорницу, подтвердил сержант.
– Тогда всего доброго!
Поднявшись, Макс и Вера направились к двери.
– Эй-эй, начальник... – заволновался задержанный. – А я как же? Ведь претензий нет...
– А тебя – по мелкому, голубь. – Побарабанив пальцами по столу, сержант язвительно расхохотался. – Метлой помашешь для исправления. Чтобы думал в следующий раз.
– Ну-у, начальник... Я же просто ей замечание сделал. Не выношу, когда бабы дымят!

* * *

Поставив мотороллер у дома, Женька закрыла калитку. Вообще-то, неплохо бы закатить «Вятку» в гараж, вернее сказать – в сарай, мало ли – дождь. Хоть и не обещали, но ведь с погодой случается всякое. Вот только что сверкало солнышко, и – нате вам, туча! С другой стороны, а вдруг мама, вернувшись с работы, пошлет в магазин? До ближайшего продмага, конечно, пешком минут десять, но ведь куда лучше поехать, иначе зачем мотороллер? Ах, какая она все-таки красивая – «Веспочка», – травянисто-зеленая, с белоснежными сверкающими крыльями и защитой. Лучше всякого авто! Везде проедешь, везде проберешься...

Переодевшись в синее спортивное трико, Женя поставила на диск старенького проигрывателя «Юбилейный» пластинку Дина Рида, не так давно купленную в Тяньске, и, взяв с полки серый томик учебника «Обществоведение» для выпускного класса средней школы, взялась за исторический материализм.

За окном весело сверкало солнце, но на улицу не очень хотелось – только что ведь была! Можно было, правда, позагорать, но это ж надо вытаскивать одеяло, выставлять на подоконник проигрыватель или хотя бы радио, а иначе скучно учить... Эх, раньше-то все время готовились к экзаменам с Катькой во дворе. Загорали, учили, спрашивали друг дружку – весело! И запоминалось все хорошо. Нынче же... Ладно еще – общественно-экономические формации, базис и надстройка или там закон перехода количества в качество... Но закон отрицания отрицания? Это как же понимать? Минус на минус плюс все равно не даст. По крайней мере, в электротехнике. Однако – диалектика!

– Мы диалектику учили не по Гегелю, – бросив учебник и вскочив на ноги, с воодушевлением продекламировала девчонка. – Бряцанием боев она врывалась в стих. Когда под пулями от нас буржуи бегали. Как мы когда-то бегали от них! Эх...

Усевшись обратно на диван, Женя вздохнула:

– Может, лучше историю повторить? Наверняка ведь по революции вопрос будет – год-то нынче не простой – юбилейный! С чего бы только начать-то...

Взяв со стола прошлогодний конспект, девушка раскрыла тетрадку.

– О социальной сущности двоевластия... хм... апрельские тезисы... ой, это я помню! А что не помню? Корниловский мятеж – вот что. Ну, совсем-совсем ничего... А вдруг попадетсЯ? Так обычно и случается: какой темы не знаешь, ту и вытянешь.

Женька побежала к висевшему на стене зеркалу, глянула на себя и поморщилась. Ну не выглядела она взрослой – почти! – женщиной! Ну вот ни на грош. Какая-то оборзевшая семиклассница, честное слово. Тощая, голенастая, волосы – паклей... Давно надо помыть! Вот-вот... помыть... Погреть водички! А то как такой лахудрой Максима встречать?

Разведя примус, Женя поставила на огонь ведро и, морщась от запаха керосина, распахнула окно. Снова подошла к зеркалу. Ну что это за лицо? Осунувшееся какое-то, тощее... С таким лицом подавнень у церкви просить! Как там в песне?

– У Ку-урского вокзала-а стою я молодой! Подайте, Христа ради, червонец золотой, – скривив забавную рожицу, пропела девчонка.

Пропела, показала сама себе язык и стащила трико... Глянула и поникла плечами. Ну, скажите на милость, что это за грудь? Не грудь, а прыщики какие-то... Другое дело – у Катьки! Вот у той грудь так грудь – арбузная! А тут и лифчик не подберешь... да-а...

Хотя... если вот так боком повернуться... И та-ак вот плечом повести... Вроде и ничего!

– Так, Колесникова! – Сделав серьезное лицо, Женька погрозила кулаком своему отражению. – А ну-ка, хватит вертеться! Прекращай, кому говорю. Ты же комсомолка, а не какая-нибудь там вертихвостка типа «людоедки» Элочки. Лучше вон пластинку переверни – кончилась.

Сказано – сделано. Хмыкнув, Колесникова подбежала к проигрывателю и тут вдруг услышала с улицы:

– Эй, хозяйева! Дома кто есть?

Почтальонша! Пелагея Елагина! Голос у нее ужас какой зычный – не спутаешь. С таким голосом в школе хорошо работать. В младших классах.

– Я дома, дома, ага! Тетя Пелагея, здрасте!

Женька проворно выглянула в окно и тут только вспомнила, что не совсем одета, быстро спряталась за занавеску.

– Ой... я тут это... голову мою...

– Да ты мой, мой... просто тут письмо – заказное. Из Тарту. Вон, на подоконнике распишись...

– Из Тарту?! Ага!

Метнувшись к столу, Женька быстро натянула футболку и, прихватив авторучку, расписалась в журнале.

– Ну и молодец, – взяв журнал, покивала почтальонша. – Тарту – это хоть где?

– В Эстонии, тетя Пелагея. Чуть пониже Таллина будет.

– А-а...

Обычный белый конверт. Тарту, улица... дом... Тынис Кург. От Тыниса! Ну, раз из Таллина – так от кого же еще?

– «Здравствуй, Женя!» Теря! Здраффстфкуй, Шеня! – Улыбаясь, девушка передразнила забавный акцент. – И тебе не хворать...

«...хочу послать заказным, чтоб было быстрее. Мы все же решились и с Лииной приедем к вам, в экспедицию, собирать фольклор. На этот раз – в Лерничи...»

В Лерничи! Так это же... Это ж неподалеку от станции юннатов! Куда только что звал директор Дома пионеров Говоров! Чего ж он про эстонцев-то не сказал? Не знал, верно. Или просто забыл – он мог.

Та-ак...

«...Надеюсь, увидимся. Обнимаю – Тынис».

Ишь ты – обнимает он... На словах-то все парни смелые, а как дойдет до дела... Эх, ребята... Между прочим, Тынис нынче – третий курс универа, осенью будет четвертый. Незаконченное высшее! Без пяти минут «молодой специалист». А она, Женька, кто? Да пока что никто. Даже еще не абитуриент. И ничего! Образование – дело наживное. Было бы желание. Чай, в советской стране живем, а не в какой-нибудь там Америке.

Тынис... И Макс из армии вернулся. Ой! Да! Скорее всего, сегодня и увидимся... или завтра... Ах, Максим! Всегда такой взрослый, красивый. И военная форма ему так идет, судя по фотографии.

– Стоп, Колесникова! Кто тебе милей? А ну-ка, определяйся – Тынис или Макс?

Хм... определяйся... А нужно ли? Да, пожалуй, рановато еще. Никто ведь не гонит, не торопит... как участковый Дорожкин Катьку – замуж. В конце концов, ничего серьезного ни с кем из них не было. Одни поцелуи. Но это же не считается! А что тогда считается? Ой, Женька, смотри-и...

От этих всех мыслей Женечка покраснела. А тут и водичка согрелась, мойся – не хочу. Да, главное, – голову помыть. А с парнями... с парнями всегда разобраться успеется!

* * *

Покинув опорный пункт, Максим взглянул на часы и поморщился. На ближайший автобус в Озерск он уже опоздал, следующий теперь – часа через два. В принципе, не так и долго... Тем более не один.

– Так что, Вер, в кафе? – Улыбнувшись, молодой человек искоса глянул на свою спутницу. – А то ведь так толком еще и не поговорили.

– А пойдем! – Поправив висевшую на плече сумочку, Вера забавно наморщила лоб. – Только не в «железку» – там пиво, пьяницы с воблой и вообще – жуть!

– «Железка»... – ностальгически протянул Макс. – Работает еще? Помнишь, как в восьмом классе... там?

– Работает, что ей делается? Только не в восьмом, а в девятом... Вы еще с Петькой Кумаковым пива бутылку взяли. Попросили какого-то алкаша купить.

– Да, «Жигулевского»! У меня пятнадцать копеек оставалось и у Петьки – гривенник!

– И две копейки я вам добавила! Помнишь?

– Ага! Так я с тех пор еще и должен?

– Ничего-ничего, отдашь! – Девушка рассмеялась и, взяв Макса под руку, резко дернула шейю. – Идем! В старом городе кафешка недавно открылась – «Золотая дубрава», при клубе лесхимзавода.

– А! «Хим-дым»! На практике там бывал. Ну, от училища. – Прикрыв глаза, молодой человек усмехнулся. – До сих пор там на танцах драки?

– Деру-утся! – усмехнулась Вера. – Хоть и милиция дежурит, а все же... Кто с микрорайонов придет, от местных огребет обязательно! Но девчонок не трогают, нет. И тех, кого знают. Ой, смотри – «двойка»!

Всплеснув руками, девушка кивнула на только что подъехавший к дальней платформе автобус – старенький и дребезжащий желто-красный «ЗиС-154», на «лбу» которого виделась цифра «2» и белая табличка с маршрутом – «Ж-Д вокзал – Коллективные сады».

– Успеем!

– Вер... – Взяв одноклассницу за руку, Максим покусал губу. – А может, пешком? Как раньше... Пока автобус ждали, гуляли везде...

– А пошли! – неожиданно легко согласилась девчонка. Похоже, она вообще была легка на подъем. – Только это... Пить хочется. Есть три копейки?

– Ага.

Оба побежали к красным, сверкающим никелем автоматам с газированной водой. Отстояв небольшую очередь, помыли стакан, взяли с апельсиновым сиропом.

– С апельсиновым – только здесь. – Сделав глоток, Вера блаженно зажмурилась. – У нас, в микрорайонах – только лимонный. А чаще – вообще без всего, за копейку. Я апельсиновый люблю! Вкусно... На, допивай!

– Да я не хочу... Хотя... Спасибо.

День выдался хороший, теплый. Зеленели посаженные вдоль тротуара тополя и клены, в палисадниках частных домов, тянувшихся по всей улице, всюду цвела сирень, сладкий запах ее плыл над городом, будоражил воспоминания и даже напомнил кое-кому первую любовь!

– А, помнишь, как в седьмом классе целовались? – неожиданно спросила Вера.

Макс засмеялся:

– В восьмом!

– Нет, в седьмом! На новогоднем вечере...

– Да уж прям! В седьмом нас на вечера не пускали. Говорю же – в восьмом. Ты сказала: «Закрой глаза».

– Нет, это ты сказал!

– Я?

– Ага! Забыл?!

– Ла-адно... Слушай, Вер, – вдруг посерьезнел Максим. – А этот парень... там, в поезде...

– Говорю же, в первый раз вижу. Давай не будем о нем – неприятно! – Девушка вытащила из сумочки помятую пачку сигарет.

– «Тракия», – прочитал Макс. – Импортные?

– Болгарские. Тридцать копеек. Но, попробуй, купи! – Вера вдруг замедлила шаг, искоса глянув на парня. – Удивлен, что курю? Так я маляром-штукатуром работаю. У нас в смене девчонки та-ак смолят – как трубы заводские. На работе краска, да и холодно бывает... Покуришь – вроде бы и согреешься. Но я бросаю уже.

Убрав сигареты в сумочку, девушка улыбнулась и кивнула на афишу кинотеатра «Пионер» – как раз проходили мимо старой площади:

– «Загадочный пассажир». Хороший фильм, только старый. Там Збигнев Цибульский – его все девчонки любили... Жаль, что так рано ушел.

– Жаль, – согласно кивнул Максим. – Ну, так где твое кафе?

– А вон, за остановкой. Открыто!

– Тогда – вперед! – улыбнувшись, одернул китель Макс.

Взяли мороженое – пломбир в вазочках, бутылочку «крем-сода». Кафе Максиму понравилось – приятное, светлое с модной пластиковой мебелью. За столиками сидели дети с родителями, девчонки в коротких юбках, судя по виду, класс седьмой-восьмой.

– Расскажи про себя, – негромко попросила Вера. – Как ты служил, как вообще... Кое-что я помню, по письмам. Но не все.

Вера тоже писала Максиму в армию. Как и многие. Первый год – часто, потом – все реже и реже. Понятно – у каждого своя жизнь. Это в армии все время одно и то же: подъем, обед, «на вечернюю поверку становись!». В гражданской жизни время куда быстрее течет. Вон, как Верка: еще недавно в школе училась, а вот уже – штукатур-маляр.

– Маляр-штукатур, – машинально поправила девушка. – Так в дипломе. Вообще, деньги неплохие: сто десять плюс каждый месяц премия. Но работа, конечно, не фонтан. Не сказать чтобы нравилась.

– Так поменяй! – Максим разлил по стаканам остатки «крем-сода». – Мало ли контор? Работники везде нужны. И работницы.

– Ну да, ну да, конторы... – поджала губы Вера. – Только в конторах я хорошо, если восемьдесят получу, а то и того меньше! К тому же у меня общежитие от стройтреста! Пусть койко-место, зато мое, законное.

– Здорово!

– Слушай, Макс, а пошли ко мне в гости, а? Поболтаем, альбом школьный посмотрим. Соседей у меня сейчас нет.

Девушка глянула на Максима с такой надеждой, с такой затаенной радостью, что тот не смог отказать.

– Ну-у, если только недолго.

– Конечно, недолго! Я же понимаю – дома ждут.

Ну, а почему бы и не зайти к почти что однокласснице в гости? Тем более Максим – нынче человек гражданский, свободный – времени хоть отбавляй!

Когда вышли на улицу, грянул дождь, целый ливень, но теплый, летний! В будку автобусной остановки набился народ. Пришлось прятаться рядом, под липой. И все равно промокли.

Тут подошел автобус – просторный «круглоугольный» «ЛАЗ». Забрались, поехали. Мимо кинотеатра «Пионер» – бывшего собора, – мимо «стеклянного» универмага райпо, по мостику через ручей – в микрорайоны, что в последнее время начали расти словно грибы после дождя – наконец, заработал, давно строившийся металлургический комбинат – огромный! В народе его прозвали «Металлический завод» или просто – «завод». Рабочих требовалось – уйма! Брала всех, по принципу «не умеешь – научим». И главное, давали жилье. Конечно, общежитие для начала, как вот Вере, – койко-место.

– Ты на завод устроиться не хочешь? – держась за поручень, вдруг поинтересовалась Вера.

– На завод? – Максим удивленно приподнял брови. – А, на металлургический... Честно говоря, не думал еще. Сейчас вот осмотрюсь малость.

– Осмотришься и иди, – все же посоветовала одноклассница. – Зарплаты там – ого-го! Общагу дают. Что еще молодому парню надо? Ты ведь у нас шофер по специальности?

– Еще слаботочную аппаратуру ремонтировать могу!

– Ну, вот... Ой! Выходим, выходим! Остановочка наша – приехали.

Выпрыгнув из автобуса, Макс галантно протянул девушке руку. Пошли. И снова попали под дождь, правда, тут уже просто побежали, до Веркиной общаги оставалось совсем ничего.

– Вон, под козырек...

Девушка первой открыла стеклянную дверь, поздоровалась с вахтершей:

– Это со мной, тетя Маша!

– Угу, – оторвалась от вязания пожилая женщина с морщинистым круглым лицом. – Только до одиннадцати. И это... у нас сегодня комсомольский патруль!

– Да помню я, тетя Маша!

Поднявшись по лестнице на третий этаж, Вера и Макс миновали длинный коридор, большую – на четыре плиты – кухню и оказались в полутемной рекреации с выкрашенными в серо-зеленый цвет стенами и стоявшими на подоконнике цветами в небольших потрескавшихся чугунках.

– Это тетя Маша разводит, – достав ключ, пояснила Вера. – Она у нас добрая. Ну, входи! Да, руки помыть – сразу за окном налево. Там у нас даже душ есть. Правда, мужской только один – на пятом.

Внутри небольшой комнатки оказалось очень даже уютно. Секретер с журналами и посудой, торшер, легкие гнутые креслица на тонких ножках, журнальный столик, сразу над ним, на стене, – вырезанная из какого-то журнала фотография Эдиты Пьехи в коротком голубом платье. У дальней стены полутораспальная – видно, что новая! – тахта, застланная зеленым велюровым пледом. Вполне себе современно!

Обстановку несколько портил старый коричневато-угрюмый шкаф, занимавший, наверное, четверть комнаты. Зато в нем имелось большое овальное зеркало на средней дверце.

– Шкаф от прежней хозяйки остался, Лиды, – раздвинув веселые желтенькие занавески, пояснила хозяйка. – Она замуж вышла и съехала.

– Славно! – Максим покивал и улыбнулся. – Ты переодевайся, я не смотрю.

– Ой! И ты же мокрый совсем! – ахнула Вера. – Чего бы тебе дать... ума не приложу... О, может быть, вот эту футболку? Она чистая. Я ее вместо домашнего платья ношу, когда убираюсь. Давай-давай, не стесняйся! А китель с рубашкой пока посохнут.

– Что ж...

Пока гость переодевался, девушка тоже сменила вымокшую одежду, натянула легкое летнее платьице голубого, с цветочками, ситца, с бретельками, выставив напоказ узенькие, тронутые первым загаром – и когда только успела? – плечи.

– Ну, вот. У меня на кухне, в холодильнике – борщ! – похвасталась Вера. – Ты вот пока хлеб нарежь, а я принесу.

Достав из секретера полбуханки черного и ножик, девушка принесла из кухни большую кастрюлю, вытащила тарелки, ложки, половник. А еще – граненые стаканчики и бутылку «Алиготе» за два рубля пятьдесят копеек.

Вообще-то, Максим до армии спиртное практически не употреблял, ну, разве что на выпускном выпил немного сухого... А на службе, бывало, и рислинг, и мускат и даже сливовую «палинку».

– Ну, за встречу! Ты ешь, ешь... Ну, как там Венгрия?

– Да, как сказать, – красиво. И народ живет... побогаче. Хорошо живут. – Вспоминая, Мезенцев прикрыл глаза и улыбнулся. – На рынках всего полно: мясо, колбаса перченая, всякие там вишни-черешни... И недорого совсем. А парикмахерские там – частные! Говорят, и у нас такие были... до Хрущева еще.

– И что, вот прямо все-все в магазинах есть? – любопытствовала Вера.

– Ну, не прямо все... К примеру, часы наши очень ценятся, и электробритвы.

– Давай, наливай...

Максим вдруг смутился:

– Слушай, как-то неправильно все. Ты меня вином поишь, угощаешь... Давай я в магазин сбегая – что-нибудь вкусное возьму.

– Ну, возьми... – улыбнулась девушка, – тут у нас рядом винно-водочный, увидишь, зеленый такой. Там зефир иногда выбрасывают и конфеты. Ну, и вина возьми бутылочку – на свой вкус. Посидим, чего уж... Когда еще вот так встретимся.

Денег у Макса оставалось – пятерка. Потратил в пути, что и говорить. Подарки родным вез. Еще на автобус – рубль тридцать семь – если «мягкий», или рубль пять – на обычном...

Вино он взял, как и было, – белый венгерский «Токай» по два восемьдесят. Зефира не было, пришлось взять россыпь конфет с помадной начинкой и большой (меньше не было) брикет пломбира по сорок восемь копеек.

– О, мороженое! – обрадовалась Вера. – Сейчас мы его – с вареньем. Мама недавно привезла, клубничное!

Вкусное оказалось мороженое. Еще бы – пломбир, да еще с вареньем!

Выпили. Посмотрели школьный альбом. Начались воспоминания...

– А помнишь, в пятом классе, на горке?

– А в девятом? Как в походе Мишка Ряхин в лужу упал!

– А Колька Красников медведем рычал – девчонки из палатки выскочили и бежать! Вот умора!

Они уже сидели вместе, на тахте, вытянув ноги. Прижались щека к щеке. Вера вдруг обернулась и чмокнула Макса в губы. И сразу – еще, уже с куда большим пылом...

Максим не противился натиску, совсем наоборот... Обнял, погладил девушку по плечу, спустил бретельку платья... Обнажилась грудь – очень даже неплохая, упругая... То, что Вера не надела под платье ни комбинацию, ни лифчик, Максим углядел еще раньше.

Пылая страстью, девчонка растянулась на тахте. Задрав ей подол, Макс осторожно стянул трусики...

По радио передавали легкую музыку...

– Тополя, тополя... в город мой влюбленные...

– Хорошая песня, – погладив Максима по голове, негромко промолвила девушка. – Мне нравится... Слышь, Макс! А ты чего, на ночь-то глядя, домой собрался? Смотри, какая туча стоит! Вот-вот ливень... Нет уж! Никуда я тебя не отпущу. А домой ты позвони – вот прямо сейчас, с вахты! У матери на работе ведь есть телефон?

– Потаповым можно, соседям. – Молодой человек расслабленно потянулся. – Они передадут.

– Дядя Ефим?

– Он. А Юрка Потапов, говорят, женился?

– Давно уже. Нюшка Потапова тоже замуж собралась. За какого-то приезжего агронома... или зоотехника, уж не помню... Ну, что? Пошли звонить!

Соскочив с тахты, Верка проворно натянула платье.

– Ну, что валяешься-то? Давай, одевайся!

– Хм... – Максим, конечно, уговорился, но виду не показал. – У вас же комсомольский рейд!

– В шкафу спрячешься.

– Ты серьезно?

– Конечно, нет. У них для «галочки» рейд. А с тетей Машей договоримся – она добрая!

Глава 2

Тягск, Озерск и окрестности, июнь 1967 г.

Юркий, среднего роста мужчина в больших темных очках зашел на главпочтамт, отряхнул плащ от дождевых капель и, поглубже надвинув промокшую шляпу, подошел к одной из стоек.

– Кто последний?

– За мной будешь, милоч, – обернулась бабуся в цветастом платке и плюшевой жилетке поверх длинного платья. Прищурилась. – Эко ты вымок-то. Гляжу, дождь-то не кончился.

– Да какое там! Еще пуще... Скажете, что я за вами занимал... Я пока телеграмму отправлю.

– Пиши, пиши, милоч. Вон столик...

Кивнув, мужчина, не снимая очков и шляпы, подошел к столику, взял форменный бланк, опустил перьевую ручку в чернильницу, что-то быстро написал, дождался, пока высохнут чернила, и снова встал в очередь.

Народу на почтамте было много, как и всегда ближе к вечеру. Кто-то уже закончил работу, много было пенсионеров и приезжих «с района». Закончив дела, граждане в большинстве своем не спешили уйти, так и толпились у входных дверей, раздраженно поглядывая на льющий за окнами ливень. Дождь начался с час назад, да все никак не кончался – наоборот!

– А Израиль-то... Гады, что творят!

– Бедные арабы...

В очереди живенько обсуждали последнюю политическую новость – арабо-израильскую войну и разрыв дипломатических отношений с Израилем.

– И правильно! Раз они так...

– Это мериканцы все!

– Ой, люди-и... Лишь бы большой войны не было!

– Ничего, армия у нас ого-го! Сунутся – огребут живо.

Дождавшись очереди, мужчина в шляпе протянул в окошечко бланк:

– Вот, тут адрес указан...

– Почтовое отделение... Ле... Лю...

– Лернич, – нетерпеливо поправил клиент. – Абонентский ящик указан.

– «Охота как договаривались решай срочно тчк Иван». – Сотрудница подняла глаза: – Правильно?

– Да. Сколько с меня?

Оплатив требуемую сумму, мужчина вышел на улицу, несмотря на дождь, и, зачем-то оглянувшись по сторонам, направился к одной из телефонных будок, стоявших вдоль глухой стены почтамта.

Зайдя, выругался – трубка оказалось срезанной.

– Вот, черти! И здесь украли... И на что им эти трубки?

В следующей будке повезло – трубка оказалась целой. Глянув на выцарапанную прямо над аппаратом надпись «Маринка Коськова балда», мужчина усмехнулся, снял трубку и, бросив две копейки, принялся крутить телефонный диск. Нервничал – дозвонился далеко не сразу, да и связь оказалась та еще!

– Это Рябой Порог? Рябой Порог, спрашиваю? Ря-бой... Сельпо? Ах, ну да... Это из Ленинграда звонят... из педагогического института. Пе-да-го-ги-ческого. Это хорошо, что поняли! Из вашей деревни девушка... Воропаева Анастасия... Она ваш телефон дала – для

связи... Во-ро-па... Что-что? Есть такая? Да-да, она на рабфак к нам подала документы... Так вот – фотографии! Фо-то-гра-фи-и... Ах, черт...

Бросив в автомат еще одну монетку, мужчина продолжил:

– Так слышно меня? Слышно? Пусть Воропаева срочно приедет... привезет фотографии... А лучше у нас сфотографируется, в ателье... Да-да, в Ленинграде... Срочно, ага! Так передадите? Спасибо. Ну, слава те...

Сняв очки, мужчина вышел из телефонной будки и быстро зашагал в сторону остановки автобуса. Все так же лил дождь.

* * *

Настя Воропаева была девушкой скромной. Да и откуда взяться нескромности, когда Настя все свои восемнадцать лет прожила в Рябом Пороге, почти никуда из деревни не выезжая. Ну, разве что в Лернички – в школу, так это не считается, как и интернат в Озерске. А вот, окончив школу, девчонка надумала поступать, и не куда-нибудь, а в Ленинград, на отделение начальных классов. Нарабатывая стаж, после школы Анастасия год проработала в Лерничках, в детском саду нянечкой, и кто-то умный посоветовал ей поступать не сразу на факультет, а сначала на рабфак, что-то типа подготовительного, а уж там дальше точно зачислят. Настя так и сделала, подала документы. Вот только фотографии оказались какие-то не такие... Хотя в Тянке, в ателье фотографировалась и фотки просила сделать, как было написано в правилах поступления. И вот...

Про фотографии сказала продавщица сельпо, тетя Маша. Забежала вчера к вечеру, мол, из Ленинграда звонили... У них в сельпо телефон. Второй – у старосты. Так и деревня-то вся – десятка полтора домов. Это Лернички – село большое: там и почта, и клуб, и магазин промтоварный, школа-восьмилетка, детсад...

Уж как неохота было снова в Ленинград ехать, а надо. Документы – дело нешуточное. Да и город красивый, посмотреть – за счастье! Неужто она, Настя Воропаева, там учиться будет, жить? Дух от такой перспективы захватывало! Хотя – да, пока что Настя большого города пугалась, боялась пропасть, заблудиться. И еще – машиной сбить могут. Транспорта в Ленинграде – ого-го сколько! И машины, и автобусы... а еще троллейбусы, трамвай и метро.

С документами Настя не одна ездила. Первый раз так вообще с матерью, Ниной Ильичиной, женщиной к чужим неприветливой и строгой. Второй раз уже да, одна... Ну, как одна? С ребятами-попутчиками... Так они ее до самого института проводили. А потом...

Потом Настя спустилась в метро (наловчилась уже за пару поездок) да поехала на станцию «Автово», к двоюродной тетке. Звали тетку Ираидой Федоровной Векшитной – по покойному мужу. Не особо красивая, худая, чем-то похожая на ворону, женщина лет сорока жила... гм, не совсем одиноко – имелся приходящий ухажер или, по-деревенски сказать, – хахаль, звали его Игорем.

С дальней своей родственницей Воропаевы почти не общались – так, присылали по праздникам открытки, чтобы не забывала, да пару раз отец, Илья Степанович, будучи по делам в Ленинграде, останавливался переночевать, чему Ираида Федоровна была не очень-то рада. Ну, а куда денешься, коли в гостиницах дорого, да и мест никогда нет?

Сама Ираида, ничтоже сумняшеся, причисляла себя к «коренным», и о своем деревенском происхождении вспоминать не любила. Оказавшись после войны в Ленинграде, окончила бухгалтерские курсы да, выскочив замуж за одинокого старца, лет восемь назад овдовела и стала жить «для себя», занимая хорошую должность главбуха в каком-то тресте. Так рассказывал отец, ну, а Настя любопытства не проявляла – бухгалтер и бухгалтер, какая ей разница?

По той самой причине – презрение к «деревенским» – тетюшка гостеприимством не отличалась, но гостей терпела – все же не совсем сволочь, спасибо и на том. Уж, конечно, Настя

планировала жить в общежитии, но первое время, пока то да сё, – у тетки, просто некуда было больше идти, не на вокзал же! Хотя, вот сейчас, девушка именно на вокзал и рассчитывала.

Надо сказать, все деревенские делили своих «городских» родичей на две части. Одни назывались – «люди», другие – «куркули» или «сволочи». «Люди» всегда имели для гостей лишние одеяла, матрасы и прочее (кое-кто и раскладушку даже!), а когда на ночлег оставалось много народу, так в маленьких своих квартирках стелили прямо на полу, руководствуясь замечательным принципом – в тесноте, да не в обиде. Иногда даже у них можно было какое-то время пожить – это как раз касалось поступающих и студентов, так и говорили – «в людях».

Что же касается «куркулей» или «коренных», как они любили себя называть, то они никогда никого к себе не пускали, хотя могли жить вполне обеспеченно – в многокомнатных, с высокими потолками, квартирах. Ну и пусть в коммуналках, но когда пара комнат – неужто на полу не постелить? Не-ет, шалишь... Мы же не «эти»... Нос воротили!

Вот и тетка Ираида... Хорошо, хоть еще пускала переночевать. И все бы не худо, кабы не хахаль ее – Игорь. Он, кстати, был из Тянска, но частенько приезжал в Ленинград, в командировки. Так что с теткой ему повезло. Насте же Игорь не понравился с первого взгляда – весь какой-то шептливый, вертлявый, к тому же, похоже, сидевший, судя по татуировкам. Впрочем, что сидевший – не страшно, среди Настиных знакомцев таких много было, как и везде. При Сталине-то срок было получить запросто! Культ личности, что и говорить... Другое дело, что повел себя «дядя Игорь» отвратительно, особенно когда Ираида на работу ушла... Да еще и до того начал:

– Ах, Настенька... какая же вы красавица! Но сразу видно, что из деревни... Не обижайтесь! Я вас научу особой, городской, красоте. Ведь мы же с вами почти земляки. А знаете что? Не зовите меня «дядя Игорь» – просто Игорь... Игорь – и все. И вот еще что – на «ты» давайте. Так как-то удобней, мы ж с вами не старики!

И как только тетушка на кухню ушла, этак положил Насте на коленку руку...

Ну, хоть ушел вместе с теткой... Настя обрадовалась было, однако рано. Не прошло и пяти минут, как в дверь позвонили:

– Настенька, открой! Это я, Игорь... Я у вас портфель с бумагами важными забыл.

Действительно, забыл. Вон он, портфель, – у вешалки, в прихожей. Новенький, из черной «чертовой кожи», с красивыми никелированными замочками.

Настя распахнула дверь:

– Забирайте!

– Ой, Настенька... Слава богу – нашел... А мне ведь на поезд – домой. Верней, на работу срочно. Эх... Слушай, а может, коньячку? Ну, за знакомство. Ты же вечером поедешь? Этим... почтово-багажным. Поди, еще и общий вагон?

– А там других и не бывает.

– Да знаю, знаю... Иногда, бывало, и сам...

Пить девушка отказалась. Наотрез! Она вообще не употребляла, между прочим.

– Не пьешь? Вот и молодец. А я чуток выпью.

Разувшись, Игорь, не спросясь, прошел в комнату, достал из серванта початую бутылку коньяка и бокалы.

– Это хороший. Четыре двенадцать.

– Говорю же – не пью.

– Ну, со мной тогда посиди, лапа... Составь компанию!

Разом осушив бокал, он недобро ухмыльнулся и, подойдя к сидевшей поодаль, на стульчике, Насте, смачно поцеловал ее в губы и принялся грубо лапать, залезая руками под платье.

– Пусти-и... пусти, говорю, гад!

Настя все же вырвалась, с силой оттолкнув навязчивого ухажера.

– Ты чего кобенишься, сука?

С этими словами насильник вдруг вытащил нож – сверкающую бандитскую финку!

– Давай... раздевайся... Живо! Не то...

Сказал, злобно сверкнув глазами...

Однако ж, не на ту напал! Девушка оказалась не робкого десятка. Встала, скрестив на груди руки:

– И что, ножом меня пырнешь? А тело потом куда денешь? Можешь не думать – отыщут тебя очень быстро. Или всю жизнь будешь прятаться?

Слова эти оказались насильнику холодным душем. Мотнув головой, он опустил нож... а потом и вообще убрал обратно в карман пиджака.

Сел на диван, посмотрел исподлобья, буркнул:

– Ну, извини... Сама довела ведь. Ты пойми, я ведь по-доброму все хотел... мы бы с тобой... ну, это самое... И тебе и мне хорошо... А я б потом тебе... Да что там потом! Сейчас прямо...

Метнувшись в прихожую, Игорь притащил потрепанный свой портфель, раскрыл... и вытащил оттуда целую горсть сверкающих цепочек!

– Золото! Смотри... Хочешь? Бери!

– Да не надо мне!

– Бери же, дура! Когда еще...

– Уберите, сказала! Иначе...

– Что иначе?

– Куда следует заявлю!

Зло сплюнув прямо на ковер, хулиган неожиданно сник. Быстро сунул цепочки обратно в портфель, засобирався:

– Ну, я пойду... Извини, если что не так... Арриведерчи!

Вот это вот все снова вспомнила Настя, когда шла по лесной дорожке к кордону. Откуда можно было позвонить – уточнить, магазин-то еще закрыт был, а хотелось быстрее.

Интересно, откуда у этого прощельги Игоря столько золота? Ограбил кого-то, украл? И впрямь лучше бы сообщить в милицию или, по крайней мере, тетушке рассказать. И больше в ее квартиру ни ногой! Просто заночевать на Московском вокзале, а потом – утренним поездом... На автобусе тоже можно, но дорого...

Шла Настя, шла и вдруг ощутила на себе чей-то взгляд – явно недобрый! Ну да, явно кто-то смотрел! Кто? Зачем?

Замедлив шаг, девушка свернула к старому кордону – одноэтажному вытянутому барaku с высоким крыльцом и заколоченными окнами. А с окон-то доски сняли! И крыльцо поправили – вон, новые доски. А-а, отец же вчера говорил – лагерь тут будет. Даже не лагерь, а юннатская станция! От Дома пионеров. Тогда все понятно.

И все же, кто там позади идет? Осторожно так... хрустит кустами... и походка такая тяжелая... Медведь! Ну да, завелся тут... Лесники говорили, да и ребята в малиннике видели...

Вот ведь незадача! Если решит, что на его участок зашла, может и лапой! Эх...

Настя не то чтоб испугалась – все же среди леса жила, – но решила держаться с опаскою, хорошо понимая, что медведь – это вовсе не добродушный косопалый мишка из детских сказок, а очень опасный, хитрый, ловкий и сильный зверь – хищник ничуть не хуже тираннозавра, при случае не прочь полакомиться и человечинкой! От разъяренного медведя не убежишь, не спрячешься – по деревьям он лазает отлично, бегают быстро, ходит почти бесшумно и силищей обладает немереной. Коли что худое замыслил или какого подвоха от человека ждет...

Вот – снова шум! Вон, за кустами... или уже за углом... Тяжело так ступает... и вместе с тем осторожно. Интересно, зачем? Хм... ну, так вон, малинник-то – рядом. Медведь малину

любит и наверняка место это считает своим. Хоть и долго еще до ягод, однако незачем тут ошиваться всяким двуногим! Совершенно незачем...

Рассудив таким образом, Настя тихонько двинулась прочь, старательно обходя малинник. Остановилась, присмотрелась, прислушалась. Кто-то шагал невдалеке, по тропке. Свой, деревенский мужик – недобрый, судимый. Однажды даже пристал как-то, да получил отпор. Ишь, вон оглянулся – зыркнул.

Настя показала язык – иди себе дальше! Тот и пошел...

Вот так-то лучше. И вдруг...

Кто-то вдруг выскочил из кустов, схватил за руку, потянул... Что-то горячее, острое ударило под ребро. Пошатнулись деревья. Земля вдруг вздыбилась, бросилась прямо в глаза...

Все же настиг девчонку удар! Только не медведь это был. Не лапы, не когти, а острый сверкающий нож – финка жигана!

Нанеся еще один удар – для верности, под сердце, убийца вдруг дернулся, услышав звук приближающегося мопеда, и, подняв воротник плаща, утащил девушку в малинник.

Там же, чуть погодя, и зарыл неподалеку. Прихваченной с собой саперной лопаткой. Зарыл, посмотрел буднично на часы и, прихватив лопатку, направился куда-то по узкой лесной тропке. В малиннике упоительно запел соловей...

* * *

Ярко-зеленый, с белыми крыльями мотороллер лихо катил по грунтовке, поднимая позади себя желто-серую дорожную пыль. Хорошо еще движения почти не было, лишь один раз Женька решительно обогнала трактор и то потом чихала минут пять. А вот молоковоз обгонять не стала, хотя он, старенький, с цистерною, тащился в час километров сорок, но поднятая им туча пыли полностью перекрывала обзор, так что Колесникова благоразумно решила не рисковать и снизила скорость. К тому же, скорее всего, молоковоз уже очень скоро должен был свернуть к ближайшей ферме. Так и случилось.

Вырвавшись на дорожный простор, Женька разогнала свою «Веспочку»-«Вятку» километров до семидесяти, а то и больше – под горку же!

С горы открывался замечательный вид на обширную долину с желтой дорогой, казавшимися игрушечными избами и блестящей вдалеке речкой, за которой синел уходивший за горизонт лес.

Женька нынче оделась по-походному: старенькое синее трико, кеды, танковый, выпрошенный у папы, шлем и мотоциклетные очки-консервы! Все – от пыли. Этакий инопланетянин или, лучше сказать, – стрекоза. Сзади к мотороллеру лично Александром Федоровичем был примастырен багажник, сваренный из легких никелированных трубочек, к багажнику привязали изрядных размеров рюкзак. Еще один рюкзак – размером поменьше – висел у девушки за плечами. И весил он куда больше, чем тот, что на багажнике. Учебники, конспекты, новенькая общая тетрадь, авторучки, карандаши, пара пузырьков с чернилами «Радуга» – все это находилось там. На багажнике же... О, там было много всего, но в основном легкое.

Два комплекта нижнего белья, голубой гэдээровский купальник (настоящий «бикини», подарок старшей сестры из Риги!), коротенькое синее платье с белым воротничком и карманчиками, еще одно платье – зеленое, с треугольным вырезом на спине, две юбки – одна мини, вторая чуть подлиннее, – гольфы, светло-голубая нейлоновая блузка, блузка желтая, с воротничком стоечкой, бежевый, крупной вязки, свитер, кофточка с большими пластмассовыми пуговицами, узкие вельветовые штаны синего цвета и еще одни штаны – белые пижонские бриджи... Кроме того, парочка гибких грампластинок, вырезанных из старых номеров журнала «Кругозор», с «Леткой-Енькой» и Магомаевым, две большие пластинки из серии «Музыкальный калейдоскоп»: шестьдесят пятого года – с оркестром Рея Конниффа, Джонни Реем и «Я

шагаю по Москве», и новенькая – шестьдесят шестого – с модным танцем «Ча-ча-ча» и Элвисом Пресли. Ну, и всякая мелочь, типа помады (да-да, Женечка уже взрослая девушка! Ну, почти), болгарского шампуня, пудры и краски для ресниц – «плюнуть и растереть».

Пожалуй, все... Все, что могло понадобиться молодой девушке для жизни в лесной глуши. Именно туда, в глушь, сейчас и направлялась Женя Колесникова, поддавшись на уговоры директора Дома пионеров Аркадия Ильича Говорова. Ну, еще ведь и Тынис письмо прислал. Как же здорово будет встретиться! И с ним, и с другими ребятами – кто там еще приедет? Вот бы знакомые – Лиина и...

Заправившись на полевой бензоколонке – просто две автоцистерны и ларечек – «А мне бы шестьдесят шестой и маслица», Женька чуток проехала к бескрайнему колхозному полю, засеянному турнепсом или репой, достала бутерброды с ливерной колбасой, немного перекусила, глотнула из отцовской фляжки холодного чайку и благодарно погладила мотороллер по кожуху фары:

– Ах, «Веспочка»... Ну, что бы я без тебя делала? Тащила бы на перекладных... со всем добром этим... Умерла бы уже – да!

Кстати, насчет бензина Говоров уверил, что все будет в порядке – в Лерничках имелась заправочная станция «рядом с колхозной столовой». Ну, хорошо, что так... Да и как в большом селе без горючего? Чай, не в девятнадцатом веке живем!

Миновав мореную грядку – «Вятка» чуть не заглохла, пришлось переключиться на пониженную передачу, – Женька проехала еще километров десять и остановилась перед широкой рекой, вернее, перед длинным и узким озером, тянувшимся, судя по карте, километров на пятнадцать-двадцать! Сразу за озером, на поросшем высокими соснами холме, виднелось старое кладбище с оградой из серых камней и многочисленными старообрядческими крестами. За кладбищем дорога ныряла вниз и уже входила в деревню, вернее сказать, в село – когда-то там была церковь, ныне приспособленная под склад. С берега хорошо были видны издалека казавшиеся игрушечными домики, мостки, поля с пасущимися стадами.

На том берегу покачивался на волнах паром, сваренный из толстых полых бочек с наложенными сверху досками.

Достав из рюкзака карту, юная путешественница прикинула дальнейший маршрут. Вот здесь вот, мимо кладбища, по дорожке на Рябой Порог, оттуда уже – к старому кордону... Есть еще и новый кордон – километрах в семи, в самой чаще, и тут, главное, было не перепутать.

Между тем на берегу, дожидаясь парома, скапливался народ. Пассажиры только что подъехавшего рейсового автобуса – кругленького «ПАЗика», пара «ГАЗонов»-грузовиков, грязно-голубой трактор «Беларусь» и какой-то мужик средних лет с лошадьё, которую он ласково гладил по гриве, верно, успокаивал. Среди пассажиров оказалось много детей, шум они производили изрядный.

– Вот же неугомонные! – поправив пиджак, надетый поверх старой выцветшей от времени гимнастерки, беззлобно посетовал мужик. Пожилой, с седоватой щетиной, но видно, что жилистый, сильный, он производил впечатление несуетливого и вполне уверенного в себе человека, правда, немного нелюдимого – ото всех старался держаться подальше. Стоял себе, держа лошадь под уздцы, и – было видно – с любопытством косился на Женьку, вернее, на ее мотороллер. Да многие косились – деревня, такого двухколесного чуда отродясь не видали! Особенно достала ребятня.

– Ой, а это что – «Вятка»?

– Старая модель? А вот у моего дядьки – новая!

– А сколько километров идет? Сотня будет?

– Семьдесят, – сняв, наконец, шлем, хмуро ответила Женька.

– Хо?! Всего-то? Я думал больше...

– Индюк тоже думал! Бегите-ка – вон, мамки вас уже заждались... Не скажете, во сколько паром?

Этот вопрос Колесникова задала тому самому мужику, с лошадыю.

– Да когда как, – отозвался тот на удивление приветливо. – Как народ наберется. Сейчас вот автобус пришел... Ну, вот! Мужики уже там появились! Так уж теперь быстро... Не знаю только, кого нынче вперед пропустят – пассажиров или грузовики с трактором? На каникулы? В гости?

– Нет, на станцию юннатов. В Рябой Порог, – улыбнулась Женька. – Там старый кордон какой-то...

– Старый кордон? Знаю. – Мужчина задумчиво покивал. – Я – лесник тамошний, Эрвель, Ян Викторович.

Лесник погладил лошадку – на левой кисти его виднелась накладка, вполне обычная, давняя – сердечко и буквы «ВИКА»... Понятно – старая любовь. В прежние времена такие накладки почти все парни делали – корчили из себя блажных...

– А я – Евгения. Можно просто Женя.

– Очень приятно! – Улыбка у лесника оказалась самой что ни на есть обаятельной, приятной, от темных глубоко посаженных глаз протянулись лучиками морщинки, и сразу стало ясно – вовсе этот человек не угрюмый, а, скорее, застенчивый, не склонный к разного рода суете и шуму. Лес для такого – самая подходящая работа!

– Значит, Женя, на старый кордон направляешься? Ну да, объявились там какие-то... По лесу ходят, смотрят... Как это – ведут наблюдения. А ты, значит, к ним?

– Ну да, воспитателем.

– Хорошее дело!

Мужчина был куда старше Женьки: та годилась ему если не во внучки, то уж в дочери точно, а потому и обращение на «ты» восприняла как само собой разумеющееся. Впрочем, в деревнях к молодым все так обращались.

– Да, на кордон. Хотела спросить – на мотороллере проеду?

– На этом... – Ян Викторович скосил глаза на «Вятку». – Колесики, конечно, те еще... Но, думаю, доберешься. Правда, там на пути болото – по гати руками вести придется. Ты про гать-то знаешь?

– Про гать... – задумалась девушка. – Ну, у меня карта вообще-то...

– Дай-ка! Ага... вот она... – Лесник вытащил из внутреннего кармана пиджака розово-синий «химический» карандаш, каким обычно метили деревья. Послужив кончик, нарисовал... – Вот здесь вот так вот иди. Понятно?

– Спасибо, Ян Викторович! Что-то меня про гать не предупредили...

– Ничего, доедешь... Там, правда, медведи...

– Медведи? – Женька опасливо поежилась. – Но... они же людей не трогают, кажется...

– Ну да, – покивал лесник. – Даже о себе не раз предупредят, чтоб не совались. Медвежат бойся. Увидишь – беги со всех ног прочь! Где медвежата, там всегда и медведица...

– Ну, это я знаю.

– А еще медведь – зверь любопытный. – Ян Викторович кивнул на мотороллер. – Увидит такую штуку, может и подойти, посмотреть... Что, напугал тебя? Пустое. Ну, думаю, ни с кем ты не встретишься. Там не так и далеко. Я бы проводил – как раз в те места еду, правда, чуть подальше – на новый кордон. Да вот только твой-то аппарат пошустрей моей савраски будет.

– Еще бы! Семьдесят километров в час!

– Вот-вот. Да и не сразу я на кордон – в Лернички загляну, в лесничество. Может, начальству надо чего...

Подошел, наконец, паром. На посадку позвали пассажиров, транспорт решили захватить потом – вторым, а то и третьим рейсом.

Загудела лебедка... Поплыли... Плеснула по бортам вода...

Недолго и переправлялись – пару минут всего-то. Дольше садились!

– Ну, удачи тебе, Женя! – забравшись в седло, попрощался лесник. – Смотри, на болоте осторожнее. Хотя там не глубоко – не утонешь. Разве что грязь...

– И вам всего доброго. До свидания!

Тронув уздечку, лесник поехал в гору, правда, почти сразу же придержал лошадь – взял у какой-то бабульки поклажу.

Та что-то затараторила – видно, благодарила... Женька не присматривалась – завела «Веспочку» да покатила себе по дорожке, точнее сказать, – по накатанной лесовозами колее. Через поле промчалась быстро, с ветерком, ну, не семьдесят километров в час – поменьше, но все-таки.

А вот в лесу пришлось потруднее – там и колея оказалась глубже, и земля сырее. И лужи. Тем не менее ехала, мотор урчал сыто, довольно и ровно. Правда, дорожка становилась все хуже и хуже, а потом и вообще резко свернула вправо, на новый кордон и дальше, на север, к большой Койве-реке.

Женьке туда не надо было, ей нужно прямо.

Остановившись, она достала карту:

– Та-ак... Вот тропинка... Вроде бы ничего, вполне широкая, проеду... И там дальше должно быть болото – гать.

В болото-то Колесникова и уперлась, да глянув на вымощенную хворостом и бревнами гать, поняла, что лесник прав – на мотороллере она тут не проедет, придется катить. Ну, что же... Тут ведь и недалеко осталось – километра три...

Первые метров двести все шло легко, но вот потом – все хуже и хуже! Чавкала под ногами гать, застревали колеса, приходилось вытаскивать технику – больше ста килограмм! Женька быстро умаялась и прокляла все. Да еще рюкзак этот проклятый слетел, едва не утонул в болоте!

Осторожно положив «Вятку» на бок, Женька попыталась вытащить рюкзак из болотной грязи, потянула за лямку... Не тут-то было! Колесникова потянула сильнее, что-то треснуло, лямка оторвалась, и бедолага кубарем полетела в болото! Завалилась, подняв тучу брызг! Хорошо хоть неглубоко оказалось – прав был лесник.

Грязная, в рыске и болотной тине, Женька с трудом выбралась на гать, села рядом с мотороллером в грязь и... нет, не заплакала, хотя очень хотелось, а грубо, со смаком выругалась! Целую тираду произнесла, помянув и разэтакое болото, и эту чертову гать, и лес, и... много чего еще!

Выругалась и вдруг засмеялась – слышали бы родители! Да что там слышали – увидели бы! Грязная, в тине, в рыске... Хорошо, хоть пиявки не впились. А, может, и впились?

– Ай!

Вскрикнув, она резко вскочила на ноги. Слава богу, не пиявка! Просто сучок в попу впился...

Однако надо было как-то выбираться, продолжать движение... Надо! Но сил-то уже не было никаких! Значит, отдохнуть и...

Чу! Что это?

Женька вздрогнула, услышав чью-то тяжелую поступь и чавканье! Шлеп-шлеп... шлеп...

Неужели медведь? Здесь, на болоте?

Девушка с ужасом обернулась.

– Ба-а! Знакомые все лица!

По гати, ведя под уздцы лошадь, шагал недавний Женькин знакомый – лесник! Вот подошел, улыбнулся:

– Гляжу, ухайдакалась!

– Ой, Ян Викторович! А вы как здесь?

– Так все начальство! – Лесник развел руками. – Велело заглянуть на старый кордон, в лагерь. С ребятами беседу провести, да и вообще – оказывать всяческое содействие. Вот и иду. Хотя дел полно...

Ян Викторович провел ребром ладони по горлу и неожиданно подмигнул:

– Ну, что? Давай-ка твои котомочки на мою савраску!

– Ой...

– А, не вытащить? Так это мы сейчас...

Одним движением вытащив рюкзак из грязи, лесник ловко привязал его к седлу, туда же примастырил и другой рюкзачок, поменьше. Потом глянул на Женьку, подавив усмешку:

– Мы с тобой, Женья, вот как сделаем. Ты савраску под уздцы поведешь, а я твой аппарат покачу. Чай, не легкий?

– Почти сто килограмм.

– Я и говорю. Лошадь-то не забоишься?

– Не, Ян Викторович! У нас когда-то корова была...

Вот в таком вот виде они и вышли на старый кордон: впереди – лесник Ян Викторович Эрвель с мотороллером «Вятка», за ним – злая, грязная и мокрая Женька, ведущая за уздечку навьюченную рюкзаками савраску.

– Ну, вот и добрались, – обернувшись, улыбнулся Ян Викторович. – Забыл сказать, уж прости старика. Ты же аппарат свой можешь у гати, в лесу, оставлять. Городские здесь не ходят, а свои... Тут у нас народ такой – им чужого не надо!

– Им-то не надо, – вздохнув, Женька вытерла лоб мокрым рукавом. – А медведь?

Между тем от вытянутого одноэтажного здания кордона навстречу гостям уже бежали ребята и взрослые.

– Ха! Колесникова! Ты прямо как кикимора болотная!

– Я тоже рада тебя видеть... Света.

Вот кого Женька никак не ожидала здесь встретить, так это Светку Кротову! На год постарше, эта наглая девица знала себе цену! Высокая, рыжая, с большой упругой грудью, вполне симпатичная, однако из тех, кто от скромности не умрет: Светка когда-то соперничала с Женькиной подружкой Катей в любовных делах, да так, что дело дошло до драки! Правда, потом помирились, почти подружились даже... Но как Кротова оказалась на станции? Неужели воспитателем?

– А я поваром здесь!

Ах, вон оно что! Тогда понятно...

Светка вела себя как всегда, да и одета была так же – рыжие космы, закатанные до колен треники и клетчатая «ковбойская» рубаша, заливчатски завязанная узлом на загорелом животе.

Повариха... надо же!

– Ой, Женья! Здравствуй!

Юннаты все были знакомые. Да и взрослые. Ребятня с любопытством обступила савраску и «Вятку». Осматривали, гладили... Лошадь – по шее, а мотороллер – по рулю и сиденью.

– Ух ты! Это ж «Веспа»!

– Сам ты «Веспа»! «Вятка» сто пятьдесят. Старая модель.

– И что? Зато красивая!

– Ну, давай, проходи. Я тебе комнату твою покажу. А там вот, видишь, будочка – душ! Вода в бочке нагрелась.

Вообще, Кротова была девкой не злой. А душ... душ сейчас кстати!

– Так, парни! Давайте рюкзаки в комнату. Ой, Жень! А мопед – твой, что ли?

– Мой. Не мопед, а мотороллер.

– Скажи-ка! Здорово. На танцы будем ездить, ага! Ну, что столпились-то? Дайте девчонке помыться!

– Ян Викторович! А вы к нам? – подойдя к леснику, поинтересовалась строгая с виду шатенка лет тридцати пяти, с модным шиньоном на голове и в сером летнем платье – учительница химии Анна Сергеевна Розова. Именно ее назначили начальницей станции юннатов вместо уехавшей Юленьки.

Кроме того, еще была блондинка с короткой стрижкой – Елена Ивановна, преподававшая биологию с географией, и пухленькая шатенка лет тридцати с прической в «мелкий бес», в светлом летнем платье и босоножках поверх белых носочков – школьная старшая пионервожатая Тая. Собственно, на этом весь педагогический состав летней станции юннатов и заканчивался. Ну, еще Женька.

Тая с Анной Сергеевной занимали крайнюю комнату в левом крыле здания, в правом точно такую же – Светка Кротова... и Женя. Еще имелся «рабочий кабинет» и небольшой зал – «пионерская», куда как раз и проводили лесника, заодно согнав и ребят.

Из ребят – а было их четырнадцать человек – тоже почти все оказались знакомыми. Естественно, кроме совсем уж мелочи – их Женька почти не знала.

Смуглая, с косичками, восьмиклассница Снеткова Марина по прозвищу Стрекоза, ее подружка, высокая светленькая Тимофеева Вера... из мальчишек – семиклассники Гошка Горский и почти что отличник Коля Ващенко, сын докторши Валентины Кирилловны, вот уже год как заведующей кустовой больницей. Коля даже здесь, в лагере, был в белой, с короткими рукавами, рубашке, черных коротких штанишках. Под мышкой – книжка в красной обложке – сборник «Фантастика-66»! Ничего себе! Не хухры-мухры!

Женька даже обернулась:

– Коля, книжку дашь почитать?

– Конечно! Там такая повесть есть – «Сумерки на планете Бюр»! Интересная...

– Ващенко! Ты почему еще не в пионерской? – выглянула из дверей пионервожатая Тая.

– Да иду я, иду, – заторопился парнишка.

Приняв душ, Женька переоделась в любезно предоставленную Кротовой рубаху – своего все вымокло – и, усевшись на койку, принялась перебирать вещи. Хорошо, хоть пластинки да учебники не пострадали! А одежда – ничего, высохнет... Тем более промокло-то далеко не все. Вот купальник, белье – все сухое, юбка – чуть-чуть мокрая... А вот синее платье хорошо бы застирать, и как можно быстрее. Тем более Кротова пообещала нагреть воды... В душе-то, откровенно говоря, холодноватая.

Сквозь приоткрытую дверь донесся ребячий хохот и веселый голос лесника. Интересно, значит, рассказывает Ян Викторович, коли так смеются! Наверное, про медведей... А про мотороллер – это, наверное, мысль. Оставить у гати – можно и в деревню ездить, а то ведь через болото таскать намучаешься.

Положив учебники и мелкие вещи в тумбочку, Женя подошла к шкафу. Старый, разошедшийся от времени, с облупившейся серо-голубой краской, этот предмет мебели, видно, находился здесь с момента основания кордона. Ну, хоть такой... Есть куда одежду сложить. Правда, вместо вешалок – гвозди...

Да и тесновато в комнатенке, честно-то говоря. Еще и раскладушку вместили у самого окна. Это – для Лиины, как успела сообщить Кротова. Студентов из Тартуского университета на станции ждали, знали уже, что придут трое: одна девушка – Лиина, и двое парней – Тынис и какой-то Иван Никаноров. Лиину и Тыниса многие знали со времен прошлой экспедиции,

а вот Никанорова – нет. Лиину брали к себе Светка с Женей, ребята же должны были жить в поставленной прямо во дворе палатке. Еще должен был приехать из Ленинграда какой-то аспирант-биолог. Его решили поселить в кабинете. Хотя можно было бы и в палатку, к ребятам, но... аспирант все-таки.

Над Светкиной тумбочкой висело небольшое зеркало с отбитым краем. Глянув на себя, Женька поправила прическу и, немного подумав, сменила великоватую рубашу на узенькие синие штаны и голубую футболку с короткими рукавами.

Она еще не успела натянуть футболку, как кто-то постучал по дверному косяку.

– Ой! – испуганно обернулась Женька.

В дверях стоял незнакомый мужик лет сорока: тощий, небритый, в сандалиях на босу ногу, в синих отвисших трениках и распахнутой на впалой груди армейской рубаше. Короткая – почти под ноль – стрижка, мосластое, по-лошадиному вытянутое лицо, оттопыренные уши. Узкие глаза прищурены, на тонких губах какая-то презрительно-вызывающая ухмылка. В правой руке, между пальцев – дымящаяся папироса... Это еще что за тип?

– Тебе, что ли, вода горячая нужна? – хмыкнув, осведомился незнакомец.

Женька поежилась:

– Ну... мне.

– Так иди! Там, во дворе – летняя кухня. Я малый лагун вскипятит. Холодная – в ванне.

– Спасибо, – поблагодарила Женька.

– Всегда пожалуйста! – Лопухий глумливо поклонился. – Меня, между прочим, Трофим зовут. Трофим Гольцов. Я тут по хозяйству.

– Понятно. Я – Женя. Разрешите пройти?

– Ах да – пожалте!

Гольцов отошел, пропуская Женьку... и даже отвесил комплимент:

– А ты ничего девчонка, красивенькая. Правда, тощая больно. Ну да ничего – откормим! Сказал и тут же заржал – громко, словно лошадь.

Вечером устроили танцы. Говоров не обманул, электричество на старом кордоне было, бросили от старой просеки фазу. Танцевали прямо на улице, выставив в окно переносную «Юность».

Плясали под «Ча-ча-ча» и оркестр Франка Пурселя – Женька не зря привезла пластинки.

Потом Тая поставила какой-то вальс. Снеткова Марина, «Стрекоза», пригласила Колю Ващенко. И правильно – сам бы он ни за что не осмелился! Вышла еще одна пара... Потом был быстрый танец под Рея Конниффа...

А потом... потом...

– Летку-еньку давай! – послышался вдруг чей-то самоуверенный голос.

Трофим Гольцов!

Этому-то что на детских танцах надо?

Опасливо покосившись на Кротову, Гольцов сразу же подошел к Женьке и глумливо поклонился:

– Разрешите вас пригласить?

От разошедшегося мужичка ощутимо пахло спиртным.

Да он пьяный, что ли?

Девушка отрицательно дернула шей:

– Нет!

– Нет, пойте-ошь...

Грубо схватив Женьку за руку, Гольцов обнял ее и попытался облапать. Но тут же поучил звонкую пощечину!

– Так его, гада! Так! – подойдя заценила Светка. – А ну-ка, Голец, вали отсюда, проспись. Вали, говорю! Ты меня знаешь...

– Да что ж я не человек, что ли? Правов не имею? – Гольцов обиженно вскинулся, но тут же сник – похоже, уже нарывался на Кротову и больше подобного не хотел.

– Да ухожу, ухожу... Что мне... уж и не расслабиться...

– Ушел, черт худой, – хмыкнула Светка. – Ты, Жень, если будет приставать – сразу мне. Или стегани тряпкой! Он трус – уберется живо.

Гольцов больше не доставал. Но вечер был безнадежно испорчен. Эх, жизнь! Скорей бы эстонцы приехали, что ли...

Утром Гольцов извинялся. Приложил руку к груди и даже попытался встать на колени.

– Ну, бес же попутал от такой красоты!

Были ли те извинения искренними? Скорее всего, нет. Однако Женька простила – куда денешься, не настаивать же на увольнении? Тем более Гольцов и впрямь оказался трусоват. Между прочим, взрослый мужик! А ума, как у малолетки, – одни понты.

* * *

Через день Максим приехал в Озерск первым автобусом – старым тупоносым «ЗиС-155», отдав за билет один рубль пять копеек. Подзадержался, и не только из-за Верки – заглянул все же на комбинат, справился о вакансиях.

Пока ехал – не спал, все думал о Вере. Вот ведь, надо же так... Может, и самому в Тяньск переехать, поступить на металлургический? Водители там нужны. А можно еще – в Ленсвязь, ремонтником. Все можно. И Вера – девчонка хоть куда. Красивая, без детей, и очень-очень взрослая...

Домашние встретили с радостью! Ну, еще бы! Мать и сестра еще не успели уйти на работу.

– Макси-имушка, сынок! Сейчас, сейчас... я с работы отпрошусь... Вечером гостей позовем... как люди...

– Мам, я тоже отпрошусь – помогу тебе готовить! Прямо сейчас и побегу. Макс, а ты поспи пока... Ой! Как же я рада!

– Я тоже рад, сестренка! Какая ты взрослая стала... А я вам подарки привез! Сейчас распакую...

Открыв коричневый фибровый чемоданчик с блестящими никелированными уголками, он вытащил оттуда свертки...

– Это тебе, мам! Бусы!

– Ой, какие... Наверное, дорого...

– Не дороже денег! А это, Катька, тебе...

– Ой! Туфли! На шпильках!

Девушка быстро надела туфли.

– Ой... и с размером угадал – в пору.

– Максим... а деньги-то? – нахмурилась мать.

– Обменял. Часы вы мне как-то присылали, помните?

– Ой, Макс...

– А это... – Максим вытащил небольшую пластинку в глянцевой обертке. – Это – Женьке. «Битлы»!

– А Женечка у нас нынче в экспедиции, – сообщила Катя. – Мы ведь тебя позавчера встречали. А потом ее Говоров того – сагитировал... Вот и умчалась на своей «Вятке».

- На чем умчалась?
 - Мотороллер ей отец подарил! Ты чего задержался-то?
 - Так... дела были... Мам, в Тяньске на металлургическом должны места быть.
 - Да подожди ты про работу, сынок! Катя, ты вот что... Ты возьми деньги, зайди там в магазин, купи... ой, даже не знаю, что и купить-то.
 - Мать! Я сам в магазин схожу – прогуляюсь. Говорите только – что надо? Значит, Женька в экспедиции?
 - Да-да, у черта на куличках – на станции юннатов. В Лерничках, что ли... Ладно, побегу я на работу, может, и там что куплю – не откажут.
- Веру Ивановну Мезенцеву, матушку Макса и Кати, стройную, еще не утратившую обаяния и красоты женщину, на работе уважали, да и соседи любили за легкость в общении и надежный характер: сказала – сделала. Да и нелегко ей в жизни пришлось – двоих ребят одна, без отца растила – война, супруг от ран умер.
- Ну, побежала...
 - Мам, и я тоже...

Проводив своих, Максим заглянул в сарай – место своего подросткового обитания. Как будто ничего не изменилось, словно бы и не было этих трех лет! Койка, старый верстак, радиодетали... Фотоувеличитель с ванночками и фонарем. Бачок для проявки пленок.

Вот здесь когда-то... Да что там – когда-то? Вся жизнь прошла... все детство.

Он уселся на старый табурет, чувствуя, как запершило в горле. Вдруг вспомнилась Лидия Борисовна, Лида... Обворожительно красивая учительница французского языка, практикантка, в которую был влюблен. И которую потом убили... Как вспомнишь – жуть! Лучше не вспоминать. И все же – Лидия, Лида... И как они с Женькой тогда... А потом Женька писала длинные письма, похоже, была влюблена... Хотя почему была? Верно, и сейчас... Хорошая красивая девочка – Женька.

Вечером посидели. Пришли соседи – Потаповы, Андреевы, Цветковы, еще несколько человек от Веры Ивановны, с работы. Супруги Колесниковы тоже заглянули, правда, ненадолго. Жаль, Женьки не было. Зато пришел участковый, старший лейтенант милиции Дорожкин или просто – Игорь. Парню недавно стукнуло двадцать пять, вот уже два года он ухаживал за младшей сестрой Максима Катериной, ухаживал небезуспешно – дело шло к свадьбе. Собственно, Катя-то его и притащила...

- Да не стесняйся ты, Игорь! Входи...
- Сейчас... вот разуюсь... Вера Ивановна, здрасте.
- Да не надо разуваться, входите, садитесь, вон...
- О, какие люди! – увидав участкового, оживились гости. – Игорь Яковлевич! Товарищ старший лейтенант! Ну, как там наша доблестная милиция поживает?
- Ничего, живем. Боремся, так сказать.

Поправив светлую, лезущую прямо в глаза челку, участковый уселся за стол. Катерина бросилась помогать матери.

- Вот, вареники, капуста... Кушайте, дорогие гости, угощайтесь. Мужчинам – беленькой!
 - Не-не, Катя, мне красного, – запротестовал Александр Федорович, – Завтра на работу, за руль.
 - Всем на работу! Всем за руль...
 - Да сами-то садитесь уж, хватит бегать!
- Виновник торжества сержант советской армии Максим Мезенцев смущенно сидел во главе стола и не знал, куда деть руки. Выпили бы уж скорее! А там...
- Вера! Катя! Садитесь же!

– Сейчас, вот хлеба порежем.

– Да успеете с хлебом... – на правах самого старшего слово взял сосед Ефим Палыч Потапов. Колхозный бригадир – осанистый плотный мужчина с вислыми усами и большими залысинами.

– Ну, что сказать, Максим... – Дождавшись тишины, Ефим Палыч поднялся с места. – Отслужил ты, все мы знаем, честно и достойно. Теперь вот вернулся. Удачи тебе и... найти свою судьбу!

Сказав так, Потапов искоса глянул на сидевшего рядом сына Юрия с супругой Раисой – белесой красоткой, продавщицей универсама райпо. Тут же сидела и дородная супружница Ефима Палыча, Светлана Тихоновна, и дочь Нюра – смешливая, склонная к полноте блондиночка с большой грудью... и вообще – все при всем.

– За тебя, Максим!

Все разом чокнулись, выпили, потянулись к закускам. Хлопотливая Вера Ивановна вновь убежала на кухню.

И вновь ее усадили.

– Выпьем за мать!

Пошла беседа. Немного порасспрашивали Максима про Венгрию, потом долго ругали израильских милитаристов, греческих «черных полковников», американцев – за войну во Вьетнаме и Китай – вообще за все. Обсудили полет на Венеру советского космического аппарата и вполне искренне, от души, похвалили Политбюро и лично Леонида Ильича Брежнева – за пятидневку.

Пятидневная рабочая неделя (вместо шести) была введена Указом Президиума Верховного Совета СССР еще в марте.

– Да, мужики... Пятидневка – это вам не шесть ишачить! По хозяйству хоть управляться есть время!

– Ой... как-то по-кулацки вы рассуждаете, дядя Ефим!

– О! Нашли кулака, ага, здрасте! А кто на Доске почета висит?

– Да ладно, дядя Ефим, не обижайся.

– Молодец Леонид Ильич – что тут скажешь?

– За Ильича!

– За Ильича, братцы!

Потом включили старенькую радиолу.

Оранжевое небо, оранжевое море,
оранжевая зелень, оранжевый верблюд!

Молодежь принялась танцевать. Нюшка Потапова сразу же утащила Макса, прижалась объемистой грудью. Мужчины вышли на крыльцо – покурить. Дорожкин – тоже, хотя давно уже пытался бросить и даже вполне успешно бросал. Месяца на два, а потом опять начинал – работа-то нервная!

Вот и сейчас, уселся вместе со всеми на лавочке, у веранды, достал серовато-голубую пачку «Прибоя» за двенадцать копеек – нарочно такие купил, чтобы не сильно курить тянуло.

– Тю-у, Игорь! – покачав головой, протянул Юрка Потапов – высокий красивый парень с зачесанной назад челкой. – Экономить, что ли?

– Бросаю!

– Ну, пока не бросил, на-ко, угостись! – Юрий протянул участковому пачку «Казбека» с черным всадником на фоне голубоватых гор. «Казбек» считался престижным.

– Табак тут такой же, как у «Герцеговины Флор», – похвастал Потапов. – А их сам Сталин курил.

Дорожкин махнул рукой:

– Да уж прям «Герцеговина»!

Однако от предложенного курева не отказался, задымил... Тут и дядя Ефим вышел.

– Угощайся, батя!

– Не-е, у меня свои – «Друг»!

– Шикарно живете!

– У дедушки за печкою компания сидит, – донесся из окна приятный баритон певца Владимира Макарова. – И распевает песенки, усами шевелит!

– Ну, вы что сидите-то? – выглянула в окно Катерина. – Закурились совсем! Идите танцевать!

Сама же, между прочим, выбежала на веранду, придержала Дорожкина за рукав:

– Игорь! Надеюсь, ты в эту субботу не дежуришь?

– Я в среду по графику. А потом – в понедельник. А что? – Милиционер подозрительно покосился на возлюбленную, вполне осознавая, что разговор этот хитрая девушка затеяла не просто так.

– Ага. – Зябко поежившись, Катя повела плечом. – Свозил бы нас с Максом в Лернички, к Женьке...

– Хо! В Лернички! – хохотнул участковый. – Триста верст киселя хлебать!

– И вовсе не триста! Да по хорошей дороге...

– Это в Лернички-то – хорошая? – Дорожкин покачал головой. – Замаешься пыль глотать! Да и как я вас повезу – втроем на моем «Восходе»?

– У тебя же служебный «Урал» есть. Новенький... – не отставала Катерина. – В палатке б с тобой поночевали. Представь только – ночь, тишина... соловьи поют. И мы с тобой – вдвоем... – Катерина положила руку участковому на плечо и томно заглянула в глаза: – А, Игорь?

Ну, против такого взгляда – да кто бы устоял? Кто-то бы и устоял, да только не Дорожкин!

– Ну-у... вообще-то мне там подучетный элемент проверить надо, – сам себя уговаривал старлей. – Давно уж не проверял.

– Вот! Заодно и проверишь. А потом мы с тобой... Заодно рыбы можно поудить.

– Ладно! Так и быть – уговорила.

Недолго и уговаривался!

– Ой, спасибочки, Игорек! Какой ты у меня молодец! Пойдем скорей танцевать, ну же!

Катя распахнула дверь... А там снова пел Владимир Макаров:

Поужинали дружно и ложатся на бочок
Четыре неразлучных таракана и сверчок!

Глава 3

Тягск, Озерск и окрестности. Июнь 1967 г.

– Озерск, третья кабина! – привстав за стойкой, выкрикнула сотрудница главпочтамта – деbeatая голосистая тетка с модным шиньоном на голове.

– Да-да... Спасибо!

Сорвавшись с обитой дерматином скамейки, вертлявый любвеобильный Игорь – любовник некой бухгалтерши Ираиды Федоровны, вошел в кабинку и, плотно прикрыв за собой дверь, снял трубку с телефонного аппарата:

– Ну, здорово. Наконец-то! Чего хотел? Да как всегда... Не, Караюшко, не спешу – тут надобно срочно! Есть на примете один антиквар... так вот, на выходных его не будет – хата пустая. Смекай! Зашли и – арриведерчи! Ладно-ладно, не болтаю я зря... Короче, все как обычно – жду.

* * *

– Пожалуйста, скажит-те, когда отправляется ближайший автобус до Лернич? – Модный молодой парень с узким интеллигентным лицом, в светлых узеньких брючках и остроносых штиблетах говорил с явным акцентом, да и вообще производил впечатление иностранца: как по одежде, так и прической – светлые волосы, пожалуй, были слишком длинными для провинции, а обращение – слишком уж вежливым. Впрочем, кассирша – крашенная блондинка лет тридцати, с начесом и в модной нейлоновой блузке – все поняла сразу:

– Эстонцы, что ли? Опять к нам, в экспедицию?

– Да, эстонцы, – закивал парнишка. – Опять-опять!

– В старой школе жить будете? – полюбопытничала кассирша.

– Не-ет, на этот раз сразу по деревням.

– Понятно. Фольклор искать будете. Смотрите, чтоб не как Шурик!

– Какой Шурик? А, из кино-о...

Студенты из Тарту приезжали в Озерск далеко не впервые. Начиная с конца пятидесятых, Тартуский университет почти каждый год организовывал летние фольклорно-этнографические экспедиции в места компактного проживания вепсов – загадочного для многих народа финно-угорской языковой группы, родственного финнам, эстонцам, венграм.

Под руководством преподавателей студенты собирали фольклор: записывали предания, легенды и сказки, зарисовывали и фотографировали жальники и священные камни, если отдавали старые вещи – корыта, плетеные из бересты фляги и прочее, – брали и их, для музея.

Приезжали почти каждое лето. Потому и за чужих их тут почти не считали – привыкли. Фольклор так фольклор.

– В тринадцать ближайший. Там до парома только.

– Мы знаем. Три билета, пожалуйста.

Взяв билеты, молодой человек вышел на улицу и помахал рукой. На скамеечке у посадочной платформы его дожидались двое – кудрявый полноватый брюнет в рубашке и черных трениках и высокая худая девушка – этакая шпала с длинными светлыми локонами и милым, вполне симпатичным, лицом. Девушка была одета по-летнему: кеды, с короткими рукавами рубашечка в черно-желтую клетку и зеленые короткие штаны – шорты, явно смущавшие про-

ходивших мимо местных. Такие штанишки в провинции носили только дети, а уж никак не взрослые, это считалось неприличным. Впрочем, девушке, похоже, было все равно.

От соседней платформы только что отправился автобус на Тянск – длинный «шестьсот девяносто пятый» «ЛАЗ» с бордовыми полосами и большой буквой «Л» на округлой «морде». Мигнув подфарником, завернул, вырулил на Советскую и, зарывав двигателем, пока-тил, быстро набирая скорость.

– Эй, эй! – из автостанции на платформу проворно выбежал осанистый и, видимо, сильный, мужчина лет сорока с лишним, с небольшой седой бородкой. Одет он был как лесоруб или артельщик: серо-зеленая роба, засаленная кепка и кирзовые сапоги с отвернутыми голенищами, и это несмотря на установившуюся с прошлой недели жару!

– Эй, эй... где автобус?

– Вам на Тянск? – подняв голову, улыбнулась девушка.

– Тянск, Тянск! Куда же еще-то... – Мужчина отозвался неожиданно зло, словно в его опоздании были виноваты сидевшие на скамейке студенты. – Ишь, сидит, курвища голоногая, смеется... Весело, да? А-а...

Обозвав ни за что ни про что девчонку, хамоватый лесоруб – или кто он там был – вдруг увидел притормозивший напротив, у Дома колхозника, лесовоз – «ЗИЛ 157-й» (также именуемый «колун») с «хлыстами» и, перебросив на плече котомку, побежал к машине.

– Эй, командир! До Тянска не кинешь? Я же не за так... Чего? Ага, залезаю... Вот спасибо, брат!

– Кур-рад! – беззлобно запоздало выругалась девчонка.

Кудрявый тоже поддержал:

– Хам трамвайный, да... О! Смотри – Тынис. Ну как? Билеты купил?

– Купил! – улыбнулся светловолосый модник. – Но автобус только в три пятнадцать... Как Лиина и говорила.

– Ну, я же знаю. – Девушка повела плечом и, вскочив на ноги, подхватила рюкзак. – Пошли тогда в парк, что ли... Иван, купи, пожалуйста, ситро. И еще мороженое, если будет. А мы пока... Вон – промтоварный... А там, на пригорке, винный – «Заря». Там тоже ситро бывает.

– Вижу, ты тут и впрямь все знаешь.

– Так и Тынис... Мы же тут не в первый раз, да. Вот тебе деньги. Не хватит – потом сочтемся.

«Парком» местные жители именовали стадион с затоптанным футбольным полем и беговой дорожкой. На окружавших стадион холмиках, поросших елкой и редкими соснами, кроме скамеечек, располагались летняя эстрада, танцплощадка и – рядом с ней – клуб, построенный еще пленными немцами. Напротив клуба, на самой вершине холма, была устроена беседка, из которой открывался великолепнейший вид на весь Озерск, до самого Большого озера. Именно в этой беседке обычно и коротали время дожидавшиеся автобус пассажиры.

Правда, студенты в беседку не пошли, расположились невдалеке на пригорке, в тени высоких елок. В беседке – побрезговали: многие пассажиры особой опрятностью не отличались – где ели, там и мусорили и, так сказать, естественные надобности отправляли.

– Так. – Опустив наземь рюкзак, Лиина уселась рядом, скрестив по-турецки ноги. – Тынис! Пока время есть, нам так это надобно все еще раз проверить. Не забыли ли чего?

– Так если и забыли – поздно уже, – опускаясь на траву, резонно возразил молодой человек.

Лиина упрямо поджала губы:

– Ничего не поздно! Здесь есть магазины, они работают и, если что, можно все купить.

– Итак. Диктофон, пленки... Фотоаппарат...

– Пленки... две штуки на шестьдесят четыре и четыре – на тридцать две... Хватит, как думаешь?

– Ну, если вы с ребятами фоткаться часто не будете, то вполне.

– А мы, может, будем! – от души расхохоталась Лиина.

А чего бы и не посмеяться? С погодой повезло, впереди – скорая встреча с друзьями и самое интереснейшее дело! Ну, подумаешь, «курвой голоногой» обозвали... Экссесс! Лесоруб просто зло сорвал.

Между собой студенты говорили по-эстонски, тут же переходили на русский, что не составляло им никакого труда. Правда, русские слова они выговаривали чересчур чисто, растягивали, иногда оглушали согласные – «хват-тит вполне-е».

– Vaata, Ivan tuleb! Купил ситро?

– Ostsin limonaadi! Вкусный! Ja jaatis.

– Мороженое? Вот же здорово!

– Фруктовое, по семь копеек.

Побыстрее скушав мороженое – чтоб не растаяло, – студенты растянулись на старом покрывале, извлеченном из объемистого рюкзака Ивана.

Так, болтая и попивая лимонад, и провалялись почти до автобуса, еще успев перекусить купленной в магазине чайной колбаской по рубль семьдесят, вкуснейшим, испеченным в местной пекарне ржаным хлебушком и плавлеными сырками.

В это же самое время какой-то сутулый коротко стриженный парень с вытянутым угрюмым лицом пил в беседке вино прямо из бутылки.

Под посадку в Лерниччи подали новый бело-зеленый «ЗИЛ-158». Ехал он довольно быстро, без особых проблем обгоняя попутные грузовики и даже легковые машины. Правда, последних оказалось всего две – старый «четырёхсотый» «Москвич» с большими колесами и светло-голубой «горбатый» «Запорожец».

Примостив рюкзаки, студенты устроились на сиденьях, благо сейчас, в середине рабочего дня, народу в автобусе оказалось немного – упарившиеся на жаре деревенские тетки с котомками, лысоватый мужчина в серых чесучевых брюках и белой, с закатанными рукавами рубашке, седобородый дед с мальчиком, как видно, внуком, три хохотушки-девчонки лет десяти-одиннадцати и тот самый сутулый парень, что пил вино в беседке. Парень уселся на заднем сиденье, а, проходя мимо Лиины, покосился на ее шортики и что-то недобро буркнул. Она и ухом не повела – привыкла, а скорее, просто не обратила внимания.

Уже через час автобус остановился у парома.

– Смотри, как быстро, деда! – захлопал в ладоши мальчишка. – А ты говорил, часа два тащиться!

– Просто хорошая машина, – похвалил автобус старик. – И шофер неплохой. Да и народу мало – у каждого столба не выскакивали.

Покачиваясь на поднятых волнах, подошел паром. Пассажиров пригласили на посадку.

– О! Здорово, Серега! – Паромщик, здоровый мужик в расстегнутой до пупа рубахе, оторвался от лебедки и громко поздоровался с тем самым сутулым. – А я гляжу ты – не ты? Откинулся уже? Поздравляю. Гляжу, и отметить успел.

– Так отметил, а потом... У «хозяина»-то не особо погуляешь, – хмыкнул сутулый. – Здоров будь, Картавый. Что, комнатенка-то моя цела?

– Да что ей сделается? Барак стоит, как стоял. А ценных вещей у тебя и не было.

– Это уж точно...

– Да, теперь сосед у тебя – Гольцов Трофимка.

– Голец? Да таких соседей...

Парень грязно выругался, не особо стесняясь...

Паром причалил через пару-тройку минут. Все вышли.

– Ну? – негромко спросил Иван. – Теперь куда? Может, поищем какой-нибудь попутный транспорт?

Тынис подтянул рюкзак и засмеялся:

– Ну, разве что лесовоз. Так мы втроем не поместимся.

– А далеко до этого... Рябого Порога?

– Километров семь-восемь... с гаком, – шмыгнула носом Лиина. – Ну-у, к вечеру будем.

И ночи сейчас светлые. Там, правда, болото – гать.

– Может быть, все-таки... Надо было спросить у кого-то.

Между тем все пассажиры уже ушли, кроме того неприятного сутулого пьяницы – тот все болтал с паромщиком. Потом, правда, распрошался:

– Ну, пока, Картавый, не кашляй. Что, вино-то в лавке есть?

– У Салтычихи – самогон. Вчера гнала. Правда, могли раскупить. Тогда – бражка.

– Сойдет и бражка. Ладно...

Со стороны кладбища вдруг показался всадник – самый настоящий всадник, верхом на коне!

– Ой, смотрите, смотрите! – восхищенно встрепенулся Иван. – Вот вам и транспорт!

Сутулый тоже глянул на всадника. А потом вдруг резко повернулся к ребятам и уперся глазами в Лиину.

– И не стыдно тебе народ смущать? – зло промолвил парень. – А еще взрослая девка! Штанишки-то надела – срам один! Не стыдно?

Вытянутое неприятное лицо его с свалившимися щеками и давно небритым подбородком перекосило от непонятной ненависти и злобы.

– Ты зачем... Зачем пристаешь? – Иван и Тынис тут же встали на защиту подруги. – Иди своей дорогой!

– Это вы у меня щас пойдете! – пьяно возбудился сутулый. – Ишь, понаехали... Да я вам щас...

Пьяница схватил подвернувшуюся под руку палку, набычился.

– Эй, Серый, ты че? – попытался вмешаться паромщик. – Охлонись, говорю, Сиплый!

– Отвали! Я им сейчас устрою...

Совсем рядом застучали копыта.

– А ну-ка, дрын положил! – жестко приказал всадник – мужчина с седоватой щетиной, в пиджаке, накинутом поверх старой застиранной гимнастерки. – Положил, я кому сказал!

Странно, но сутулый послушался. Неохотно выбросив палку, сверкнул глазами...

– А теперь – ступай себе. Ступай! Веня, доведешь? Пьяный же... в озеро еще шальнется...

– Доведу, Ян Викорович, не беспокойтесь... – Накрепко привязав паром к пристани, паромщик догнал пьяного своего приятеля, подхватил под руку.

– Спасибо! – за всех искренне поблагодарила Лиина. – Скажите, а в Рябой Порог никто сегодня не едет? Ну, может, это... какой грузовик или подвода?

– Трактор леспромхозный к вечеру будет, – неожиданно обнадежил спаситель. – Гусеничный, с пеной – это сани такие. Солярку повезет на делянку. Попроситесь, тракторист – парень хороший, возьмет. А то с поклажей-то будете до ночи телепаться! Да и комары... – Тут всадник посмотрел на шортики Лиины и хмыкнул: – Не закусили еще?

– А у меня мазь!

– Ну, ежели ма-азь... А вы, вообще, откуда?

– Студенты мы. Этнографическая экспедиция!

– А! На старый кордон! Знаю. Я лесник местный – Эрвель, Ян Викторович. Ладно, увидимся еще, думаю. А трактора все же дождитесь! Вам там потом еще через гать... А в овсах, у леса – медведи.

– Медведи?!

– На всякий случай предупреждаю. Так что лучше на тракторе...

– Спасибо!

* * *

Дом располагался в старом районе Тянска, на улице Московской, неподалеку от площади Советов (бывшей Соборной). Окруженный тополями и липами, красивый, недавно оштукатуренный, он был выстроен еще до революции – с колоннами, эркерами и прочими «буржуазными излишествами». Позади виднелся общий для всех сарай – немногочисленные жильцы держали там ненужные вещи. Рядом с сараем прилепился кирпичный гараж, видно было, что пристроили его недавно. Два подъезда – «парадные» – располагались во дворе, напротив сарая, на улицу же смотрел лишь фасад с эркерами.

Было уже довольно поздно... или рано – два часа ночи – как посмотреть! В окнах верхнего этажа, дом был двухэтажный, отражались рыжие отблески фонарей, впрочем, особой темноты не было – ночи в июне стояли светлые.

Пройдя по пустынной улице, к сараю свернули двое мужчин – плечистый здоровяк и вертлявый. Одеты – как рыбаки: брезентовые плащи, сапоги, в руках удочки. У вертлявого даже ведро! Объемистые котомки на плечах, надвинутые на глаза кепки...

– О! «Козлик»!

Напарники чуток выждали, поспешно укрывшись за кустом сирени, пропустили проехавший мимо милицейский «газик».

– Маршрут... – Осанистый глянул на часы. – Почти точно... Ну, что, Игорек? Говоришь, нет никого?

– Вечером лично проверил! Часиков в шесть уехал голубой «Москвич» – новый, «четыреста восьмой». Пять двести стоит! Антиквара машинка. Летом он почти каждый вечер на даче, с семьей.

– Ладно, посмотрим. Пошли, коли так. Надеюсь, на соседушек не нарвемся.

– Да спят все уже, Караюшко! Десятый сон видят.

Юркнув в парадное, лиходеи поднялись на второй этаж. Надев перчатки, плечистый Карай звякнул отмычкой, вставил в замок. Повозился. И, уважительно хмыкнув, достал еще одну отмычку:

– Однако замки солидные...

– Говорю же – антиквар!

И все же, минут через десять замки поддались. Довольный Карай спрятал отмычки в карман и с усмешкой толкнул дверь.

Оба осторожно вошли, тщательно затворив за собой дверь. Прислонили к стене удочки. Узкий луч фонаря мазнул по стенам...

– Три комнаты и кухня. – Поставив ведро, вертлявый Игорек пояснял свистящим шепотом. – Посередине – гостиная, с эркером... в конце коридора – спальня.

В просторной гостиной стоял сервант, старинный резной секретер, широкий диван и два кресла, обитые матово-коричневой кожей. Кроме того, еще имелся торшер, массивная радиола «Беларусь» и новенький телевизор «Рубин-106» – красавец на тонких ножках.

– «Рубин»! – осматриваясь, с завистью протянул Игорь. – Между прочим, четыреста двадцать целковых!

Бывают такие люди, которые все меряют на деньги. И не люди вовсе, а так... Вот и вертлявый, похоже, был из таких.

– С собой не унесем. – Карай шмыгнул носом и подошел к секретеру. – Однако поглядим...

Снова звякнула отмычка. Послышался скрежет.

Напарник между тем тщательно осматривал сервант.

– Ага! – Уже через пару минут он с торжествующим возгласом извлек из хрустальной вазы три золотые цепочки, пару изящных сережек и перстень с массивным синим камнем.

– Сапфир, однако!

Карай тоже не тратил время зря – выгребал из секретера толстые пачки денег и перевязанные бечевками облигации.

– Однако, тут уже тысяч на двадцать!

– Да это для него так... тьфу! – расхохотался Игорь. – Думаю, главное он на даче держит, в тайнике.

– Ничего. Бог даст – пощупаем и тайник...

Игорь вдруг громко чихнул:

– Ну и пылища!

– Тихо! Услышат! – вздрогнул напарник.

– Да никто не услышит. Тут такие стены – хоть оперы пой – арриведерчи! Ага... – Луч фонарика уткнулся в висевшую на стене картину в узенькой золоченой раме.

– Мазня какая-то, – презрительно выдавил Карай.

Игорек усмехнулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.